

Николай Щербаков

СЕВЕРНАЯ ВЕДЬМА

Книга вторая. Наследие

Николай Щербаков

**Северная ведьма.
Книга вторая. Наследие**

«Издательские решения»

Щербаков Н.

Северная ведьма. Книга вторая. Наследие / Н. Щербаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831703-3

Страна проходит через девяностые годы, годы неожиданного хаоса и нищеты для большинства населения и циничного обогащения небольшой его части. Виктор Мороз полностью вовлечен в события тех лет. Уйдя от морской профессии, в силу сложившихся обстоятельств, становится директором завода. На жизнь Виктора все большее влияние оказывают люди, наделенные знанием древних цивилизаций. Они помогают Виктору пройти обряд «посвящения», с их помощью Виктор становится на путь, которому посвятит жизнь.

ISBN 978-5-44-831703-3

© Щербаков Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Свидание	6
Глава вторая. Отец Вениамин	10
Глава третья. Отец	17
Глава четвертая. Капитанша	28
Глава пятая. Друзья	32
Глава шестая. Отцы и дети	36
Глава седьмая. Сын	45
Глава восьмая. Новая семья	55
Глава девятая. Ё моё	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Северная ведьма

Книга вторая. Наследие

Николай Щербаков

© Николай Щербаков, 2016

ISBN 978-5-4483-1703-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Великий Жрец – Время, неумолимо разворачивает туго скрученный свиток Бытия с записями событий и жизней человеческих, коим суждено и должно произойти и воплотиться, чтобы исполнился промысел Создателя. Ни на мгновение не остановится это движение по спирали, ни на йоту не отклонится от положенного движения к цели. Неизбежность правит всем, потому, что конечная цель – есть! И цель эта – новое рождение, новая вспышка, начало нового развития, стремящегося к новой цели.

Море волнуется- раз,

Море волнуется – два,

Море волнуется – три

Чья фигура лучше – на месте замри!

Детская считалочка.

Глава первая. Свидание

Склон сопки не крутой, и охотник идет не спеша к её вершине, не останавливаясь. По тому, что он смотрит только под ноги, ясно – дорогу он знает, идет уверенно. Если бы он поднял голову и оглянулся назад и в сторону, то увидел бы, что метрах в двухстах от него параллельно его пути по глубокому снегу трусит стая волков. Вперед, периодически разбивая грудью снег, пытается вырваться молодой резвый самец. Но его всякий раз одним взглядом и легким оскалом останавливает бегущая впереди черная волчица. Вся стая волков серая, с белыми от инея хребтами и головами, и волчица выделяется среди них черной тенью, и её седой воротник припорошенный инеем кажется убранством вожака, дорогим атрибутом власти в стае. Волчица сохраняет скорость движения и дистанцию от путника, при этом, не пытаясь делать это скрытно. Она не крадется, не выслеживает охотника, она со своей стаей сопровождает его.

Перевалив через вершину сопки и спустившись на несколько метров на другую её сторону, путник останавливается и, не спеша, снимает широкие лыжи. Накрывает ими невысокий снежный холмик, под которым, видимо, прячется знакомый ему камень, затем снимает с плеч небольшой рюкзак и укладывает его на лыжи. Сняв шапку, вытирает ею лоб и оглядывается по сторонам. Вокруг белое безмолвие, небо затянуто низкими облаками, из которых периодически сыплются редкие колючие снежинки, низкорослые полярные деревца и кустики придавлены тяжелыми снежными шапками. Стаю волков он не видит, потому, что она отстала от него и находится еще за склоном сопки. Человек усаживается на свой рюкзак, свободно вытягивает ноги, шапку возвращает на голову, сдвинув её на затылок, руки кладет на вытянутые ноги и прикрывает глаза. Дышит легко, неслышно, ресницы глаз сначала трепещут, потом замирают. Но человек не задремал, по сосредоточенному лицу и не опущенной голове можно предположить, что он глубоко задумался.

Теперь уже можно рассмотреть человека. Это крепкий, высокого роста старик с седой щетиной на щеках и подбородке и прядью серебряных густых волос, выбивающихся из-под шапки. Первое определение его, как охотника, видимо неверно, поскольку никакого оружия при нем нет. Даже палки у него в руках нет. Вот на подпояске виден короткий нож в чехле. По его размерам можно судить, что предназначен он скорее для подручных работ путника, чем для охоты. Место, где старик устроился на отдых, еще заметно тем, что прямо напротив сидящего человека возвышается снежный холм высотой, если не считать снежной шапки, около метра. Даже укрывший эту каменную глыбу снег не скрывает её идеально круглого сечения. И лежит эта каменная глыба в центре плоской снежной площадки, такой же правильной круглой формы, без единого камня или кустика. До ближайших камней и холмиков не менее двадцати метров.

У старика задрожали ресницы. Глаза он не открывает, но сквозь ресницы видит сидящую перед ним на камне волчицу. Он вновь замуривается.

– «Здравствуй, Берко», – и лица старика коснулась волна тепла.

– «Дорогая моя, Олюшко, я так и не научился приветствовать тебя при встрече. Мне тоже хочется сказать тебе – здравствуй...».

Глаза старика закрыты, но он видит перед собой женщину. Там, где сидела волчица, теперь, подогнув в сторону ноги, сидит женщина. Одной рукой она оперлась о камень, второй поправляет капюшон. Капюшон малицы, отороченный белым мехом, опущен на лицо так, что закрывает от взгляда большую часть лица. Сквозь мех два теплых лучика из бездны глаз. Подбородок и щеки прикрыты стянутым цветным шнурком совиком, одетым поверх малицы.

– «Милая моя, Олюшко, ты сегодня оделась так, как одевалась всегда, когда мы были вместе. Почему? Ты что-то хочешь мне этим сказать?»

– «Я обеспокоена. Ты последнее время много думаешь обо мне, как будто зовешь. Что случилось? Ты всегда был таким сильным, надежным. Мне с тобой было спокойно. Но вот, ты...».

– «Ты почувствовала? А что скрывать? Я очень тоскую по тебе. Дарованное мне долголетие с годами тяготит. Я этого не ожидал. Ты же знаешь, я умею контролировать свое душевное состояние, умею владеть чувствами. Но вот разлуку с тобой переносить все тяжелее».

– «А я все чаще вспоминаю моего молодого Медвежонка, Берко. Какой ты был, однако, красавчик! Как мне повезло! На тебя претендовали многие ведуньи. А уж какие красавицы были! Мне ли с ними было ровняться. Помнишь? Келду, Елену..., а Марго? Её я больше всех опасалась, думала, приворожит она тебя».

– «Не лукавь! Мы с тобой об этом уже не раз говорили. Ты меня приворожила сразу, при первой встрече. Однажды и навсегда».

Старик поднимает руку с колена и, как бы, протягивает её к собеседнице.

– «Как мне хочется прикоснуться к тебе! Вот, все понимаю, и ничего не могу с собой поделать».

– «Милый мой Медвежонок! Раньше ты был сдержаннее. В тебе просыпается тот мальчишка, которого я знала в своей юности».

– «Я человек, Олюшко, и мне свойственны человеческие слабости. Старики к старости возвращаются к своим истокам».

– «Зачем ты говоришь о старости? Может ты забыл, что и половины земного пути ты еще не прошел?»

– «Как я это могу забыть? Нет, я это не забыл. Но очень горько, что ты так рано покинула меня. Непонятное испытание. Только с тобой я мог позволять себе такие вольности – быть до конца человеком. И мои слабости проявлялись только в твоём присутствии. Помнишь? Понимаешь, о чем я?».

– «Понимаю. И потому я здесь».

– «Олюшко, ты что-то не договариваешь?».

– «Какой ты у меня проникательный, Медвежонок. Но я хочу подольше поболтать с тобой о пустяках. Ты ведь не спешишь?».

На ресницы старика упали несколько крупных снежинок. Ресницы дрогнули. Волчица сидела на своем месте и неотрывно глядела на него янтарными глазами. Старик прикрыл веки.

– «Какой ты колючий. Не бреешься? На тебя это не похоже..., скажи, ты скучаешь по Варе?».

– «Да-а..., Варя..., конечно, мне её не хватает. Раньше, она меня навещала, и мы болтали обо всем. Легко, как два родных человека, которым хочется поделиться друг с другом новостями и взглядами. Знаешь, что меня всегда забавляло? Это то, что она считает меня своим дедом. И это при всех её знаниях о нашей жизни. А ведь я ей трижды прадед. Я даже тогда, когда она уезжала, невольно насмешил её родителей – упреждая встречу с Варей, попросил их случайно не открыть эту „тайну“. Они посмеялись, мол, она не маленькая, и тайна эта уж больно условная. Ну, узнает, и что? А я тогда сказал, что мне нравится быть её прямым дедом. Хорошо, „папа“ – посмеялись они».

Старик почувствовал, как его окутало тепло её улыбки. Он постарался задержать эти мгновения, он мысленно попросил её помолчать. И она послала ему еще одну волну тепла.

– «Как тебе нравится самый младший из Бергов?».

Старику почудилось, что он слышит её шепот у самого своего уха. Это было так явственно, что он ощутил её дыхание и, что совсем поразило его, он почувствовал такой знакомый, оставшийся в памяти навсегда, её запах. Чтобы не открыть глаза, он закрыл их руками. Справился с собой, помолчал, опустив голову.

– Как ты это делаешь? – спросил голосом. Спросил так, будто она живая сидела напротив.

– «Извини. Сама не удержалась. Я тебя спросила о малыше».

– «Герман? Удивительный мальчишка. Мне иногда кажется, что он знает что-то, чего не знаю я. Да-да. Мне, искушенному, повидававшему всякое, именно так и кажется. Может такое быть, Олюшко? Хотя..., что я спрашиваю».

– «Что – может быть? Что он что-то знает? А ты разве с ним встречался? Я что-то такого не припомню».

– «Мне для этого нет необходимости встречаться с ним буквально. Но я часто наблюдаю за ним. И знаешь, меня всегда поражает его форма мышления, его взгляды на многие вещи. Однажды я присутствовал на его разговоре со священником, там, у них на ферме».

– «Это сколько же было малышу?».

– «Малышу было без малого шесть лет».

– «О-о. И что же он такого сказал тому священнику, что ты это помнишь?».

– «Да, это был местный священник. Они сидели одни в гостиной в доме родителей Вари и молчали. Видимо ждали кого-то, потому, что оба поглядывали на лестницу, ведущую на антресоли. И священник спросил, искренне ли Герман верит в Бога. Малыш повернулся к нему с удивленным лицом и молчал. Не детский взгляд у него был. Понимаешь? Священнику видимо стало неловко, и он переспросил, правильно ли его понял Герман.

– А Вы? – вдруг спросил малыш.

– Что – я? Во мне можешь не сомневаться, – и священник погладил висящий на своей груди крест, – но я спросил тебя. Почему ты не отвечаешь прямо? Почему тебя моя вера интересует?

– Вы знаете, я, когда в чем-нибудь сомневаюсь, я тоже дедушку спрашиваю, что он думает по этому поводу. Вот я и думаю, – Герман прищурился, – зачем вы у меня это спросили?

Ты бы видела лицо того священника. Я получил настоящее удовольствие. Герман ведь больше так ничего и не сказал в ответ на вопрос. А священник не стал больше ничего спрашивать. Он только все время косился на малыша и хмурил брови».

Плечи женщины легко вздрогнули, она явно смеялась.

– «Олюшко, не томи, говори, с чем пришла».

– «Хорошо. Я пришла сказать тебе, что мне тоже очень плохо без тебя. Мне давно пора было успокоиться и отстраниться от земной жизни, но вот... Одним словом меня поняли. И тебя тоже, – послала тепло улыбки, – а это значит..., что мы снова встретимся».

Старик как окаменел. Лицо его застыло и он, казалось, напряженно смотрел через сжатые веки. И руки, до этого свободно лежащие на коленях, напряглись, кулаки сжались.

– «Успокойся, Берко. На тебя это не похоже. Успокойся. Хозяйка волнуется, и я из луча выхожу».

– «Как встретимся? Неужели для нас поменяют законы жизни?».

– «Похоже на то».

– «Как же это будет происходить? И когда?».

– «Медвежонок, ты как новичок. Воистину молодой медвежонок!».

– «Не обращай внимания на мои слабости. Я от радости голову теряю».

– «Я тебя понимаю. Я уже переболела этим. Я ведь тоже..., когда узнала...».

– «А ведь я понимаю, как это произойдет. У меня истекает возрастной срок на этот земной жизненный отрезок. Поселковому лекарю пора на покой уходить. Иначе не поймут мое долголетие. С какого года я здесь лекарствую? С тысяча девятьсот тридцать седьмого? Я в тот год в этот поселок попал ссыльным поселенцем. И уже в возрасте, когда мне могли лет пятьдесят дать. А сейчас тысяча девятьсот семьдесят восьмой. Вот и считай. Пора, пора».

– «Но ты ведь никогда не умирал. Ты просто уезжал из мест проживания. Мы вместе уезжали. Я каждый тот отъезд помню. До мелочей. У нас мало времени на встречу осталось, а то бы я тебе рассказала, как все происходило, если ты забыл».

– «Я ничего не забыл. Я и этот раз исчезну. Только на этот раз я уйду в сопки, и об этом обязательно будут знать. И пропаду. Найдут разорванную мою одежду со следами крови. И точка будет поставлена».

– «Какие ты страсти рассказываешь!».

– «Этот вариант хорош тем, что искать не будут. Последующие годы я буду жить на юге. Уже через двадцать лет там большие волнения происходить будут. Пригляд нужен. Вот я и думаю, что ты там должна будешь появиться, – он сделал ударение на „там“, – так ведь?».

– «Я в детали пока не посвящена. Но думаю, что ты все правильно разобрал. Мудрый мой Берко».

– «Как нас юг примет? Как я без этих снегов жить буду? Без полярного сияния? Без сопки?»

На лице старика появилась грустная улыбка. Он теперь сидел с закрытыми глазами, чуть подняв вверх лицо, и улыбался. Снежинки таяли на лице и оставались на бровях, на пряди волос выбившейся из-под шапки.

– «Ты рад?».

– «Теперь я спокойно буду жить, и ждать встречи с тобой».

– «До свиданья, Медвежонок».

– «До свиданья, Олюшко».

Старик еще долго не открывал глаза. Он уже опустил голову и сидел ссутулившись. Снег собирался в холмики на его шапке и плечах. Видимо замерзли руки, старик встал, потер их снегом, забросил за спину рюкзак и стал надевать лыжи. Искоса глянул на камень, где недавно сидела его подруга, уже почти полвека, как покинувшая его на земле. Снег уже припорошивал крупные следы лап волчицы. Вокруг, сколько было видно в усиливающемся снегопаде, стояло все тоже белое безмолвие. Назад старик пошел споро, размашисто. Шел также уверенно, по знакомой ему одному тропе, как и пришел на эту сопку.

Глава вторая. Отец Вениамин

– Извините, не могли бы вы меня просветить? Волнение моря – пять баллов, это много? Это шторм?

Вкрадчивый голос с соседнего кресла и лёгкое прикосновение к руке рассеяли дремоту. Виктор скосил глаза. Мужчина средних лет, видимо его ровесник, с округлой бородкой, с волнистыми, зачесанными назад густыми темными волосами. Пиджачок на нем старомодный, рубашка с длинными острыми краями воротничка. Деревенский мужичок? Когда заходили в самолет и усаживались рядом, он не обратил на соседа внимания. Пальто, шапка на мужичке не бросались в глаза. А у Виктора сказалась бессонная ночь, и он задремал, когда самолет еще двигатель не запустил.

– Вы извините, я вас разбудил?

– Ладно, в чем дело?

Виктор не пытался скрыть досаду. Не любитель он легких, случайных знакомств.

– Еще раз прошу прощение за бестактность.

Нет, говорок у мужичка далеко не деревенский.

– Мне показалось, что вы моряк. Вы в такой фуражке вошли в самолет. А я вот газетку читаю, и здесь написано, что моряки вышли в море, а море штормило. И написано, что шторм был пять баллов. А я слышал, что шторм, это когда волнение девять баллов. Не сочтите назойливым, объясните. Меня и раньше этот вопрос интересовал. В детстве, знаете ли, моряком мечтал стать, – мужчина улыбнулся, – да да..., вот, как вы.

– И что, не стали?

– Вот..., не стал.

– А кем стали? Тоже, не сочтите...

– Священником.

Ответил быстро, улыбнулся доверчиво. Виктор повернулся к собеседнику и уже внимательно глянул на него. Теперь все в облике соседа сложилось. И что сразу отметил Виктор, это взгляд этого человека. Так открыто смотрят в глаза только дети – подумал. Никогда раньше в жизни не приходилось общаться с людьми этого сословия. Да и представить себе он не смог бы, о чем говорить с таким человеком. Для Виктора, выросшего в атеистическом окружении, священник был явлением из другого мира. И, в чем он был уверен, ненужного ему, неинтересного мира. И вот. Рядом, рукой прикоснуться, сидит человек, открыто улыбается, обращается к нему с простым, наивным вопросом.

– О чем вы спросили? – он вдруг забыл начало разговора.

– Давайте лучше познакомимся, а потом поговорим всласть. Нам ведь два часа еще над землей-матушкой лететь вместе. Вы не против? Я, признаюсь, немного робею. Летаю редко. Да что я говорю – второй раз лечу.

Сосед не стал протягивать, как принято при знакомстве, руку. Тем более, что это было бы неудобно в стесненном пространстве кресел. Виктор сидел у окна, сосед рядом. Виктор, пожав плечами, кивнул. Сосед положил свою руку на руку Виктора и сказал:

– Зовите меня отец Вениамин.

– Отец? А просто Вениамин, Веня – нельзя?

Священник понимающе улыбнулся. Руку он не убрал, и это, почему-то, не смущало Виктора. Рука была прохладная и, казалось, невесомая.

– Нет у меня такого имени. В миру меня звали Виктором. Но этого имени у меня тоже уже нет. Не можете говорить «отец» – никак не говорите. Обойдемся. Просто – «ты». Хотя, это вам только кажется, что вы не можете мне сказать «отец». Попробуйте и потом сами замечать не будете.

Виктор беззвучно хохотнул и, положив свою вторую руку на руку священника, согласился:

– Хорошо. Буду звать вас отец Вениамин. А вот меня, кстати, зовут Виктором. Совпадение?

Отец Вениамин стал серьезным, убрал руку и долго посмотрел на Виктора.

– Совпадений, Виктор... как по батюшке?

– Павлович.

– Вот и отчество совпало. Полные тезки мы с вами были. Да. Совпадений, Виктор Павлович, в этой жизни не бывает. И не смотрите вы на меня так. Это я, считайте, самому себе сказал.

– Так уж и не бывает? А что же бывает?

– Что бывает? Промысел Божий, все промысел Божий. Я понимаю, какую иронию у вас вызовут мои слова, но это так. Да, собственно, вас вовсе не смысл смущает, вас смущают слова. В смысл вы не вдаетесь. Я прав? – он улыбочиво смотрел в глаза Виктора.

– А какой для меня может быть в этом смысл? В Бога я не верю.

– Конечно. Как можно верить, или не верить в то, о чем ничего не знаешь.

– Как это – ничего не знаю? Хотя..., я вам так же отвечу. Что можно знать о том, чего не существует? Красная шапочка – сказка для детей, и мы это понимаем и знаем. А Бог – сказочка для взрослых. И цель этой сказки понятна. Отвлечь, затуманить мозги.

– О-о, какой уровень вы предполагаете для Создателя нашего! Прости нас Господи, – отец Вениамин трижды мелко перекрестился.

Он с нескрываемым сожалением покосился на Виктора и замолчал.

А Виктор почувствовал неловкость. Что это я? Зачем же стараться показаться глупее, чем есть. Я ведь так не думаю. Во всяком случае, не так думаю.

– Я, знаете ли, в свое время закончил Ленинградский политех. Поступил в аспирантуру.

Отец Вениамин говорил тихо, будто бы сам с собой разговаривал. Но Виктор демонстративно повернулся к нему, показывая внимание.

– Ленинградский политехнический? Вы? А у меня жена там училась. В каком году вы закончили?

– В шестьдесят первом.

– О-о. Она значительно позже. Она закончила в семьдесят третьем. Училась на инженерно-экономическом факультете

– Ну вот, видите, как много совпадений. И я на этом факультете учился.

– И что? – Виктор выразительно указал взглядом на бороду священника.

– Поступил в аспирантуру.

– И что?

– Посадили. На пятерочку.

– Не по-онял. Куда посадили?

Священник не ответил и, не скрывая иронии, молча, улыбнулся Виктору.

– А за что?

– Не тех экономистов читал. Вместо политэкономии стал много внимания уделять таким, как Джон Милль, Жан Батист Сэй, да и Карла Маркса я неправильно читал. Да-да, Маркса можно по-разному читать..., и понимать. Ваша жена кого читает?

– Не знаю. Мы с ней об этом, как-то не разговаривали.

– Ну да, ну да, «зато читал Адама Смита и был великий эконом».

– Это вы к чему?

Отец Вениамин пожал плечами и промолчал.

– Хорошо. А как вы священником стали?

– Там, где я отбывал наказание за своё «легкомыслие» оказалось много добрых, хороших людей, – отец Вениамин опять заговорил тихо, на этот раз осторожно оглянувшись по сторо-

нам, – там, с их помощью я практически закончил семинарию. Духовную семинарию. – он глянул на Виктора, чтобы убедиться, что тот его правильно понял, – мне, конечно, эти мои «университеты» потом зачли, как курс семинарии. У меня были хорошие рекомендации, – помолчал, – оттуда..., и я поступил в Московскую Духовную Академию. Да. Ту самую, где учились Павел Александрович Флоренский и Владимир Сергеевич Соловьев. Слышали о таких людях?

Виктор отрицательно покачал головой. Отец Вениамин опять положил свою легкую ладонь на руку Виктора.

– О таких людях надо знать. И не только о них, но и о том, о чем они проповедовали, о чем труды писали. Я бы вам с удовольствием о них рассказал. Но у нас одного рейса на этот рассказ не хватит, – и улыбнулся, – ничего, мне почему-то кажется, что мы с вами, Виктор Павлович не напрасно познакомились. И у нас еще будет время о многом поговорить.

– С чего это вы взяли?

– Совпадений уж слишком много. Я шучу. На все воля Божья.

Он с минуты помолчал.

– Вот незадача. Я забыл вопрос, который вам задал. Неловко. Получается так, что он то, собственно, мне не важен был, просто заговорить с вами хотел. Ах да, вот же, газета, я её читал и возник вопрос.

– Я тоже вспомнил. Вы о штормах спрашивали? Да? Давайте я вам конкретный случай расскажу.

– Давайте. Буду весь – внимание. Полагаю, что у вас таких случаев не перечесть.

– Да уж. Так вот, это было на Лабрадоре.

И Виктор рассказал, как в тот раз получил он штормовое предупреждение, а всей мурманской группе судов рекомендовалось передвинуться на большие глубины. На больших глубинах волна в шторм более пологая. Из района Саргассова моря, вдоль побережья к ним двигался тайфун. Тайфун по первым прогнозам был средней силы, двигался в основном по побережью, нашкодил уже там достаточно и, казалось бы, должен был утихать. Ан нет. При абсолютно чистом, безоблачном небе крепчающий с каждым часом ветер, казалось, заглаживал гребешки встающих волн, образуя длинные языки пены за каждым уходящим к горизонту валом. Траулер капитана Мороза шел с тралом по ветру и сильной качки не ощущал. На вопрос, вышедшего с ним на связь начальника промысла «где он и почему его не видно в группе», Виктор ответил, что идет с тралом, волнение моря пять баллов, и что после подъема трала он примет решение. Надо сказать, что предыдущие траления были с очень хорошими показателями, но рыбу с палубы успели убрать в рыбцех, и теперь, понимая, что шторм отберет у них минимум два, три промысловых дня Виктор решил поднять на борт больше рыбы, чтобы упущенное промысловое время работал хотя бы цех. Один за другим суда поднимали тралы и, развернувшись, уходили на зюйд-ост. Группу судов еще было видно на горизонте, когда подняли трал. Подъем оказался рекордным, палубу и все ящики залили трепещущей крупной сайдой. А на мостике заметили, что при подъеме трала эхолот показывал придонные крупные косяки. Трал можно было ставить, продолжая двигаться по ветру. Это увело бы их на большее расстояние от группы, это было движение в противоположную сторону, но соблазн успеть поднять еще один большой трал победил. Виктор, молча, кивнул смотревшему на него вопросительно старпому, тот пожал плечами и отдал распоряжение спускать трал. Виктор поправил его, «развернись и забеги назад на пару миль, чтобы с гарантией захватить отмеченные эхолотом косяки». И когда начальник промысла задал ему вопрос, «где он и почему не снялся с промысла», Виктор замешкался, но начальник вдруг опередил его, «а-а, мол, вижу, идешь уже в нашу сторону». На том связь и прервалась, а суда группы скрылись за мутным горизонтом. Поставили трал и пошли. Вот тут и началось. Тайфуны эти, чем коварны? А тем, что направление ветра в нем быстро меняется. И не прошли они и половины пути намеченного

траления, как оказались лагом к волне и ветерок усилился значительно. На мостике поняли, что при такой бортовой качке они трал не поднимут, начали разворачиваться носом на волну. Да, вот тут и началось самое интересное.

Виктор рассказывал это новому знакомому более подробно, не жалея красок и эмоций. Он уже не сосредотачивался на ответе на вопрос, что такое волнение в пять баллов. Все вдруг вспомнилось в мельчайших подробностях. Виктор не заметил, как сам увлекся тем, чтобы слушатель как можно ярче увидел картину тех событий. А отец Вениамин так внимательно, заинтересованно слушал его, так сопереживал по мере развития событий в рассказе, что Виктору невольно хотелось передать картину происходившего тогда наиболее образно в мельчайших подробностях. Он вспомнил свист ветра в снастях, надрывной вой траловой лебедки, грохот катающихся по промысловой палубе балбер, металлических шаров, крики работающих на промысловой палубе людей. Бак траулера то задирался в небо, то проваливался в зеленую бездну, под надвигающуюся многометровую волну с пеной на гребне, срываемой ветром и уносимой поверх мачт. В памяти повторилась та горькая минута, когда трал всплыл за кормой, полный на всю длину. Уже закрепили распорные доски, сбросили в слип ваера, а поднимать трал на борт не решались. Поднять на борт выше ватерлинии лишних двадцать тонн во время бортовой качки, это...

– Вы меня понимаете? Представляете, что это значит? Что такое остойчивость, вы слышали когда-нибудь?

– Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, – кивал отец Вениамин.

И по его взгляду было видно, что он не просто слушал, он сопереживал. Искренне, не ради поддержания разговора.

– Я вот, вижу вас рядом, и, казалось бы, понимаю, что все благополучно закончилось, а все равно – страшно. А каково вам там было? Я ведь могу себе представить, что такое, – он показал руками, – что такое ревущее море вокруг.

– Океан.

– Да-да. Океан.

– Не страшно там, отец Вениамин. Там, знаете ли, другое чувство.

Виктор помолчал, глядя в иллюминатор. Под крылом проплывали бескрайние поля облаков. Ровные, как стол, с отдельными белоснежными холмами, напоминающими стога сена в поле.

– Ищите сравнение, чтобы рассказать мне, что это за чувство?

– Не знаю, как вам это пояснить, но это не страх.

– Не разжигайте любопытство – расскажите. Вы меня просто захватили своим рассказом.

– Попробую. Я, знаете ли, сам, случалось, об этом думал.

Виктор заговорил медленно, подбирая слова, задумываясь.

– Да-а. Если бы кто-то смог составить карту мирового океана, на которой были бы указаны все затонувшие суда, лежащие на грунте с первых попыток человека отплыть от берега, представляете? Нет, вы просто не представляете себе, что бы это было. Это была бы карта кладбища судов. Все судоходные пути с древности до наших дней усеяны лежащими на грунте судами. Согласны?

Отец Вениамин кивнул.

– А суда продолжают тонуть и сегодня. Самые, казалось бы, непотопляемые. И никого это не пугает. Как уходил человек в море, так и уходит. Почему? А я скажу вам. Человека с его судном связывает особая связь. Стал человек на палубу – все. Это его дом. Это его самая надежная защита. И он верит, будете смеяться, в его непотопляемость. Вот все вокруг могут утонуть, его судно – нет. И так до последней минуты.

– Неожиданную вещь вы мне сказали. Я об этом никогда не задумывался. Да-да. Но, погодите, ведь и в авиации случается всякое, да и на автомобильной дороге вон, быются.

Виктор помолчал и, повернувшись к священнику, улыбнулся.

– А вы можете себе представить, чтобы самолет взлетел, когда погода не позволяет? Туман, тучи ниже положенной нормы, да мало ли, я всех причин не знаю. Не взлетит! – прихлопнул ладонь священника, лежащую на подлокотнике.

– И на автомобиле вы не поедите, если гололед будет, и снежные заносы. Да что я? Вы же отлично понимаете, о чем я.

– Вы хотите сказать, что моряки выходят в море в любую погоду?

– Именно это я и хочу сказать. Главное, чтобы от причала судно отвалило. Может быть, я сейчас скажу совсем для вас неприемлемое, но. Нет. Вы сейчас решите, что я слишком идеализирую моряков, что я конченный романтик. Но скажу. Моряк, отец Вениамин, море принимает таким, какое оно есть, в любой форме. Океан, это совершенно особенная стихия, в которой надо уметь жить. В любом её состоянии. Потому, что океан, – Виктор выдержал секундную паузу, глядя куда-то вперед, – он не подчиняется никаким прогнозам. Он сам по себе. В любой момент может обрушиться шквал, и в любой момент может случиться неожиданный штиль. К этому моряк всегда готов. Потому, что волей судьбы, он уже там, в океане, и он должен там жить. Понимаете? Жить. Или...или не совать туда нос, – снова улыбнулся священнику.

– И моряки – это особенные люди, не такие, как все?

– Именно, – сразу же кивнул Виктор.

Помолчали.

– То, что Господь создал всех нас разными – неоспоримо. Но вместе с тем, всех – по своему подобию, – священник рассуждал как бы сам с собой.

– Значит, в Боге и моряк есть, – засмеялся Виктор, – так получается?

– Как легко вы вывод делаете. Хотя..., уже хорошо, что вы учитываете Создателя. Уже ваша гордыня потеснилась.

– Какая уж там гордыня. Я вот вам сейчас признаюсь, что чувство, которое я вначале не решался определить..., ну, то, о чем я говорил, что это не страх. Да? Пожалуй, вот сейчас, в разговоре с вами, я нашел ему определение.

Помолчал. Отец Вениамин его не торопил. Сидел, скосив глаза на Виктора, чуть нахмурившись, как будто сам вместе с рассказчиком обдумывал то, что будет сказано.

– Да. Я сейчас, пожалуй, не только для вас, но и для себя нашел ответ на этот вопрос. Получается, что я воспользуюсь вашей терминологией. Так вот, чувство это – вера!

Виктор сказал это почти с облегчением, сказал, повернулся к священнику и улыбнулся.

– Не ожидали?

– А вот и не угадали, батенька. Я сидел и ждал этого слова. Уверен был, что именно это слово вы скажете. Ведь весь ваш рассказ был об этом, о вере. И, должен вам сказать, моряки испокон века были людьми набожными. Уж кому- кому, а им то известно, что все в руках Божьих. И там, – махнул в сторону иллюминатора – никто им, кроме Господа нашего не поможет. Там, в океане, вы один на один с ним. Не с океаном, нет, океан – это Его стихия. Там вы один на один с Богом.

Священник вновь положил свою легкую руку на руку Виктора.

– Что? Скажете не так?

– Не знаю. Не знаю. Как-то очень уж серьезно у нас с вами разговор повернулся. Одно я вам могу сказать, что я к этому еще вернусь, подумаю. Уже учитывая наш разговор.

– Мне тоже наш разговор много дал. Спасибо вам.

Молчали до того, как стюардесса объявила о том, что самолет идет на посадку. Садись во Внуково. Пассажиры зашевелились, защелкали ремни, громче стали разговоры.

– Вы прилетели или летите дальше? – поинтересовался отец Вениамин.

– Я в Ростов лечу.

– На Дону который?

– Да.

– На побывку, или дела какие у вас там?

– Дела. У меня самолет буквально через два часа, сейчас регистрируюсь и снова в небо.

А вы прилетели?

– Не могу так сказать. Мне еще добираться на машине. Знаете такой город – Гусь-Хрустальный?

– Слышал. Название красивое. Что, там гуси хрустальные водятся?

– Нет, уважаемый Виктор Павлович. Стыдно этого не знать. В этом красивом русском городке, что в Мещерских лесах стоит, живут люди мастеровые. Из стекла они чудеса делают. Посуду, конечно, всякую, но и чудеса. И люди красивые, и красоту неопишемую они, эти люди делают. А я там рядом, в деревеньке у меня приход. Служу. Жаль, время у нас с вами мало было. Я бы вам тоже, много чего рассказал.

– Да, жаль. Вы так восторженно об этом стекле говорили, что думаю, много интересного знаете. Да?

– Скрывать не буду, есть у меня знакомые на стекольных заводах. Много хороших людей. Они мне много чего показывают, рассказывают. Вот, кстати, один такой хороший человек встречает меня сейчас, Отвезет домой на своей машине. Так мне повезло.

И когда самолет уже выруливал к аэровокзалу, священник снова тронул Виктора за руку.

– Вы позволите дать вам совет, Виктор Павлович?

– Конечно, – Виктор пожал плечами.

– Меня, знаете ли, жизнь научила..., да и продолжает учить, в людях разбираться. Почему я к вам первым обратился? Потому, что увидел в вас интересного, незаурядного человека. И не ошибся.

– Совет то в чем?

– Жаль, что вы меня перебили, я просто хотел все подвести к смыслу совета. Ладно. Совет мой вам вот в чем состоит. Вам надо писать. Вы не пробовали писать? Я не успел вас спросить.

– В каком смысле – писать? Книжки, чтоли?

– По-видимому, не сразу книжки, – священник пожал плечами, – у меня самого такого опыта нет, – хотя, думаю, с годами этим благим делом заняться. А вам стоит. Вы неплохой рассказчик. И вам есть, о чем рассказывать.

– Шутить изволите, отец Вениамин?

Говорили они уже, когда шли по проходу между кресел. Спустились по трапу, оказалось, что идти к входу в вокзал всего несколько метров, наскоро попрощались, даже не подав друг другу руки.

Виктор получил в пришедшем багаже свою сумку, убедился, что посадку на рейс в Ростов еще не объявляли, выпил в буфете чашечку кофе, и вышел на площадку перед вокзалом, подышать свежим воздухом. На фоне знакомой березовой рощи стоял уже привычный ТУ-104, по-видимому, надолго застывший на постаменте первенец реактивной пассажирской авиации. А что, подумал Виктор, может я и на этом красавце летал. Размышления прервал уже знакомый голос:

– Не суждено было нам с вами быстро расстаться, Виктор Павлович.

В нескольких шагах от Виктора стоял «Жигулёнок», а отец Вениамин с другим мужчиной грузил в багажник свои чемоданы. Виктор неспешно поднял свою сумку, подошел, кивком поздоровался с мужчиной.

– Вот, Адольф Степанович, рекомендую – Виктор Павлович, капитан дальнего плавания, я вам о нем давеча рассказывал. Он мне полет сократил до мгновения. Так интересно рассказывал, что я не заметил, как в Москве оказался.

– Ну, это спорный вопрос, кто кому время полета сократил. Я ваши проповеди тоже с большим удовольствием слушал. Не подозревал в себе такой интерес к религии.

– Протестую категорически! – отец Вениамин искренне рассмеялся, – проповедей я никаких не говорил. Адольф Степанович, подтвердите, я вне церкви религиозных разговоров не веду. Кстати, я уже настоятельно прошу вас познакомиться. Подайте же друг другу руки. Два таких замечательных человека, я просто обязан вас познакомить.

Виктор и друг отца Вениамина пожали руки и представились именами.

– Нет, не так, – вмешался священник, – Виктора Павловича я уже представил, а теперь, будьте любезны – Адольф Степанович Курилов, художник, дипломант Академии художеств, участник всевозможных выставок. Я все правильно говорю, Адольф Степанович?

Адольф Степанович, чуть склонив на сторону голову, улыбочиво рассматривал Виктора. Был это невысокий крепкий мужчина с хитрым прищуром, с аккуратно стриженной бородкой клинышком, но без усов. Не переставая улыбаться, кивнул на вопрос отца Вениамина.

– Да, отец Вениамин, красивого человека вы встретили. Сразу видно, незаурядный человек. Профессия вон какая – моряк! Повидали много? Вы на нас не сердитесь за бесцеремонность. Эльза, выйди, познакомься, отец Вениамин в очередной раз хорошего человека встретил.

Виктора смутила такое открытое внимание, непринужденное общение добрых, будто давно знакомых людей. Из машины вышла женщина, под стать художнику, со светлой, с небольшой рыжиной копной волос, добро улыбнулась Виктору и неожиданно вместо приветствия предложила:

– Ну что стали, поехали к нам в Гусь.

– Вы это меня приглашаете? – удивился Виктор.

– Ну да, а что хорошего то? Встретились хорошие люди, и сразу расставаться? Негоже.

– Эльза, – с укором остановил её художник, – у человека свои планы. Ты посмотри какой серьёзный человечик. А ты – так сразу. Хотя, – он повернулся к Виктору, – с моим почтением и радостью принял бы вас у себя в гостях.

Отец Вениамин с улыбкой наблюдал. А Виктор было растерялся, но быстро справился с собой. Он повернулся к священнику и заявил:

– А ведь мне действительно захотелось посмотреть, что это за городок такой в лесу, где такие чудесные люди живут. Не откажите, дайте мне ваши адреса, я вам напишу, или телеграмму отстучу. А может и загляну. Я не стесню. Я моряк, коммуникабельный.

И новые знакомые обменялись адресами, а Виктор и Адольф еще и телефонами. Распрощались друзьями, и машина помчалась через площадь в сторону Москвы. А Виктор через час улетел в Ростов-на-Дону.

Шел 1984 год. Виктор летел домой к родителям. Тяжело болел отец и Виктор спешил.

Глава третья. Отец

Мать Виктор увидел сразу, как только завернул за угол. Подумал, а ведь я знал, что она стоит у калитки. Только мне казалось, что она стоит и ждет именно меня, что я сразу увижу радость в её глазах, и она протянет ко мне руки. Она действительно стояла у калитки, но разговаривала с какой-то женщиной и не смотрела в его сторону. И чем ближе он подходил, тем больше его охватывало чувство удивления и вины. Горького удивления. Потому, что он с каждым шагом, что приближал его к матери, видел, какие изменения произошли в ней. Как постарела его мать, как старчески сторбилась, какая на ней странная, старящая её одежда. Как она изменилась за три с лишним года, что они не виделись! Переломилась в пояснице спина, остро торчит локоть опершейся на перекладину калитки руки. На голове косынка, повязанная так, как мать никогда не носила.

Виктора увидела соседка, тронула за локоть мать, и та медленно перевела взгляд на подходящего сына. Лицо не дрогнуло, только чуть расширились глаза, и руки скрестила, прижала к груди. А обычно она при встрече протягивала их, как бы желая уже издалека обнять сына.

– Ну вот, и слава Богу, слава Богу, – запричитала соседка, тетя Валя, кривым пальцем вытерла сухой глаз и отступила в сторону, – ладно, вы тут..., а я, Ивановна, опосля загляну, а вы тут..., – и посеменила через улицу к своему двору.

Виктор обнял мать. А она прижалась к его груди, положив руки ему на плечи и задрав голову, заглянула в глаза.

– Надолго?

– Надолго, мама, надолго. Сколько надо, столько и буду. И Наташа хотела приехать.

– И Наташа? Пойдем, пойдем в дом, – оторвалась от него и потянула за руку, – он так ждет тебя, так ждет! Что же ты, и не предупредил...

– Мама, как он?

– Он так ждет тебя, каждый день спрашивает.

– Как он?

– Заходи. Сумку поставь, куда ты её несешь?

Придержала Виктора и сама толкнула дверь в комнату.

– Павел, Витя приехал.

Виктор думал, что увидит отца лежащим в постели, но тот вдруг появился из-за матери и протянул сначала руку для пожатия, а потом резко шагнул к сыну и обнял его. Уткнулся лицом в шею сына, и вздрогнул плечами. Виктор растерялся, поглаживал спину отца и молчал, запершило в горле.

– Ну, видишь? Приехал Витя. А ты говорил..., и Наташа приедет. Вот радость то.

– Вот и хорошо, – отец распрямился, отстранился от сына и присел на стул, оказывается, он уже улыбался, – здравствуй, сына. Что же ты не предупредил? Разлетелись с сестрой в разные стороны, а мы тут с матерью гадаем, что у вас, да как.

Но Виктор невольно обратил внимание на то, как осторожно садился отец, как тень боли промелькнула на его лице. Вспомнил, что с раннего детства, сколько Виктор себя помнит, отец звал его – «сына».

– А что с нами может случиться? Как вы? Что происходит? Почему вы мне подробно ничего не пишете? Пап, вы что, больны?

– Почему обязательно больны? Все нормально, всему своё время. Старость, Витя, пришла. Её, понимаешь, не ждали, а она пришла.

– Ты его, Витя, слушай больше. Хорохорится он. Ещё утром..., – махнула рукой и прижала к глазам снятый с головы платок, – не хочу говорить, сам все увидишь.

– Надолго, сына?

– Я уже маме сказал. Надолго.

– Надя. Давай на стол. Витя, не усаживайся, иди умойся с дороги, переоденься. Ты дома. За столом, как люди поговорим.

Через пол часа они уже сидели за столом. В центре стола появилась бутылка виски, а Виктор разделял большой кусок копченого палтуса.

– М-м-м, – отец наколот небольшой кусочек и понюхал.

– Ему же нельзя, – мать с жалостью смотрела на мужа, – может быть, уберем со стола, Витя?

– Ни в коем случае. Ешьте, я буду смотреть на вас и радоваться. Ничего страшного. Я за свою жизнь всякой рыбки поел. Всякой. Но лучше черноморской камбалы ничего не пробовал. Да, Надя? Помнишь?

– Помню.

– А вот сто грамм выпью. Надя, ругать не будешь? Сын приехал.

– А я не знаю. Что тебе врач говорил?

– Он говорил, что хорошей водочки немного можно. А лучше чистый спирт.

Виктор уже успел рассмотреть отца. Тот сильно похудел, побледнел, морщины на лице стали глубже, щетина на щеках побелела, складки по краям губ придавали лицу болезненное выражение. Ворот рубашки был застегнут на последнюю пуговицу, и от этого было заметно, как похудела шея, натянулись жилы.

– Так значит желудок? И что врачи говорят?

– Поживу еще немного, – криво улыбнулся отец.

– Ой, Витя. Вот хорошо, что ты приехал. Он ведь никого не слушает. Все шуточками, шуточками. Операцию надо было давно делать – отшутился. Потом, потом. А теперь, говорят, поздно. Представляешь?

– Так значит рак?

– Да, сына, рак. Надя, помолчи, – отец остановил мать рукой, – послушай меня, Виктор, ты должен понять. Ты видишь – я хожу, сам все делаю. И буду до последнего стараться сам управляться. И сколько Бог даст, столько буду жить. А представь себе, если бы я на операцию согласился? Представляешь? Я бы сейчас лежал, и вот она бы мне горшок к кровати носила. Это в лучшем случае. А вообще..., после операции, с этой болячкой, – отец коснулся рукой живота, – долго не живут. Бывает через несколько дней – раз, и на погост. А я вот, видишь – живу. Тебя дождался. Наташу, невестку мою любимую, дождусь. Людмила должна на выходные приехать.

– Господи, ну что ты мелешь? На погост, на погост. Бога вспомнил. А еще коммунист. Как мне это слышать? А, Витя? Скажи ты ему.

Виктор молчал. Он был готов к этому разговору, он из писем матери уже понимал, о чем речь в них идет. Но к такому откровенному разговору, оказалось, не подготовился. Взял бутылку, открутил пробку и стал разливать по маленьким рюмочкам, что поставила мать. Налил себе, отцу, глянул на мать.

– Мама, налить?

– Наливай. А что это, Витя? Коньяк?

– Это виски, Надя. Где-нибудь за границей купил, сына? Белая лошадь?

Виктор кивнул. Молча поднял рюмку, чокнулся по очереди с родителями и медленно выпил.

– Что же ты молча, Витя ничего не сказал. Да ты ешь. Вот картошечка горячая, я как знала, наварила. Капустка, огурчики, закусывай.

– А что тут говорить? – вступился отец, – спасибо, что приехал.

Мать пригубила и с тревогой смотрела, как пил отец. Отец приложил сопку к, казалось, сжатым губам и медленно перелил содержимое в рот. И видно было, что он долго еще держал во рту виски, не глотая. Потом обвел комнату потеплевшим взглядом и замер, глядя в стол.

– Вы что, папа? Вы-то чего не закусываете. Балычка отрезать кусочек?

– Не надо, сына. Не поймешь ты меня.

– О чем ты, Павел? – с тревогой глянула мать.

– Это я Виктору. Хорошая вещь виски. Я пил его один раз в жизни, давно. К нам пригнали «Аэрокобры» по Ленд-лизу, и как-то так получилось, что вместе с ними у комсостава оказалось несколько бутылок вот этой самой «Белой лошади». Офицерам по стаканчику досталось. Помню, пили и говорили – самогон. А мне тогда понравилось.

– А что я понять должен?

– Понять? Я, Витя, пью стопочку..., и каждый раз, как последнюю. Понимаешь?

– Понимаю.

– Думаю, что не понимаешь. И это хорошо.

– Ты мне хоть теперь, на старости лет скажи – пить водку, это что, удовольствие?

Мать покачала укоризненно головой, глядя на отца.

– Скажу – не поверите, – отец усмехнулся, – вот только последние годы я понял, что пить надо с удовольствием. А для этого надо пить немного. Меру знать. Хорошее вино – это больше-ое удовольствие!

Виктор откинулся на стуле. Он и раньше замечал, еще с юношеских лет, что у отца со спиртным особые, не похожие на обычные, принятые в их окружении, отношения. Ни среди соседей, ни среди знакомых не было никого, кто бы так, как отец, серьезно занимался виноградом. Кто бы так много прочитал литературы по виноградарству и виноделию. Виктор знает, что в доме даже небольшая, собранная отцом библиотечка есть по этой теме.

Но поговорить об этом не удалось. Отец поморщился, взялся за низ живота.

– Сына, так ты надолго к нам? Ты извини, что повторяюсь.

– Я еще раз говорю – буду столько, сколько надо. Я был на учебе, а потом попросил, чтобы мне дали возможность отдохнуть. У меня два отпуска не использованы, плюс отгулы. Это на полгода хватит.

Виктор умолчал, что последняя медкомиссия практически забракowała его. Нашли проблемы в сердце. Порекомендовали полечиться, съездить в санаторий. Потом планировалось новый кормовик из Польши получать, а это и было сроком в полгода. Но об этом он решил сказать родителям позже, когда приедет Наталья. Отец кивнул, снова поморщился и, извинившись, поднялся из-за стола.

– Я пойду, полежу. Потом поговорим.

Он ушел в спальню и затих. Мать сначала ушла с ним, скоро вернулась и принялась убирать со стола. А Виктор накинул на плечи куртку и вышел во двор, закурил и задумался. Темнело, моросил мелкий дождик, но ноги сами понесли его кругами по двору. За множеством перемен на глаза попадались вещи, будто вчера оставленные здесь, но пролежавшие, простоявшие, висевшие на старых привычных местах уже несколько лет. Вот удилища из гибких побегов молодняка, вырубленные в посадках за городским прудом еще в Виктора юные годы, висят под стрехой сарая. У отца уже давно бамбуковые удилища, а эти будут так висеть до тех пор, пока не понадобятся где-нибудь в виде колышек. Теперь уж навряд ли кому понадобятся, мелькнула грустная мысль. Сейчас, за столом он окончательно осознал всю серьезность ситуации с отцом.

Жизнь уже неоднократно мирила его со смертельными ситуациями. И на берегу умирали люди, и в море. И умирали и гибли. Даже, был случай, тралом покойника подняли. За день до этого на промысле человека за борт смыло на одном из соседних промысловиков, а его траулер бедолагу поднял. Несколько дней по промыслу тело возили в морозильной камере.

Потом на базу сдали, которая в порт шла. Но то всё были чужие беды, не причинявшие особых душевных болей, не вызывавшие ничего, кроме сострадания. А сейчас он столкнулся с опасностью потерять такого близкого человека, как отец. Возникла она неожиданно, несмотря на то, что годы уже позволяли свыкнуться с мыслью, что родители смертны и когда-то это случится. И, всё-таки, это оказалось неожиданным. То, что отцу начался обратный отсчет, стало ясно сейчас, за столом. Поразило спокойное к этому отношение самого больного. Глаза отца выдавали боль. Но кроме боли физической, в глазах было еще что-то не знакомое, ранее никогда Виктором у людей не виденное. Не видел он раньше людей в момент приближения к последней черте жизненной. Не заглядывал в глаза.

Мысли вернули его в море. В прошлом году, зимой на промысле под Ньюфаундлендом тонул немецкий траулер. Рыбалка была хорошая, в группе собралась многонациональная компания. Были поляки, немцы, норвежцы, англичане, да и наши были из разных регионов. Были и прибалты и мурманчане. На рабочих ультракоротких волнах шумно было, многоглаголо и даже весело. А потом шторм раскачался, и все крепчал, крепчал. Постепенно на судах подняли тралы, реже разбрелись по промыслу и заштормовали «носом на волну». Вечером, на совете капитанов пронеслась тревожная новость. Терпит бедствие немецкий траулер. Руководители советской группы судов подробностей не знали. Судно, терпящее бедствие находилось в отдалении от наших судов и не в зоне видимости. Подходить к терпящему бедствие не рекомендовали, потому, что там уже рядом был спасатель и была установлена связь с канадским берегом. На момент, когда проходил «совет капитанов», знали только, что у немца, давшего сигнал бедствия, сместился груз, или произошло нарушение остойчивости судна во время перекачки балласта. Одним словом крен судна увеличился до критического, а шторм добавил проблем. В таких случаях может и машину с «фундамента» сорвать, и пробоину изнутри сделать. Всякое может случиться. Но, не рекомендовали, значит, сами разберутся. Виктору не спалось. За полночь, на вахте второго вышел на мостик.

На мостике, несмотря на темноту, шторм проявлялся во всей своей могучей красоте. Слабо освещенный бак взбирался на крутую, черную гору надвигающейся волны, затем, перевалив через её хребет, проваливался в пропасть, в лобовую встречая следующий вал, поднимая веерообразную стену воды, которая подхватывалась встречным ветром и с грохотом ударяла в стекла рубки. На подлёте к иллюминаторам стена воды зеленела, а разбившись, превращалась в белую пену. И так чередовался вой ветра с грохотом разбивающейся о стекла воды. В динамике коротковолновой радиостанции потрескивало, периодически раздавался щелчок включаемой кем-то станции и негромкий голос что-то бубнил, кто-то лениво обменивался ночными новостями. Говорили в основном на английском. Виктор постоял у иллюминатора, послушал какие-то соображения второго помощника и, собрался было уже уйти в каюту, но задержался. Выждал когда пройдет очередной вал, приоткрыл дверь на крыло мостика и вдохнул холодный, с солёными брызгами воздух. Вдали над предполагаемым в темноте горизонтом увидел мигающий красный огонек. Он то пропадал, то появлялся. Мигал с постоянной частотой и, насколько это можно было предположить, медленно передвигался. Что это могло быть? На судах в ночное время ничего похожего на такую сигнализацию не предполагалось. Берег далеко. Виктор закрыл дверь, через стекло ничего видно не было. Открыл – огонек мигал. Зашел в рубку, щелкнул переключателем УКВ и, подумав, спросил:

– Seaman. Who knows? What is it? Red, flash light.*

Эфир помолчал, треснул разрядом, щелкнул, и хриплый голос с явной досадой буркнул:

– Helicopter.**

Сказал так, мол, кто там глупые вопросы задает. Все и так понятно. Но, оказалось, что такого ответа ждал не один Виктор. Эфир ожил. Значит о том, что на промысле терпит бедствие судно, знали все. И все хотели знать, что происходит, как дела у тех, кому сейчас худо. Поскольку разговор начался на английском, то и говорили в основном на английском. В эфире

появились те, кто что-то знал. Виктор не все понял, но когда появились слова «six people, managed to save, the ship sank»*, потом оказалось, что «нет, еще не затонуло, мы его видим», стало понятно, что трагедия происходит буквально в эти минуты. Что именно в эти минуты, рядом гибнет судно, гибнут люди. Над ними кружит вертолет. В такую погоду? Вертолет? Спасли только шестерых. А остальные? Он в те минуты ясно представил себе, какими могут быть ледяные объятия воды за бортом, ужас удушья и беспомощности. В тот раз он впервые физически ощутил возможность смерти. Она холоднодохнула в затылок и навсегда стерла в сознании детское недопущение смерти для самого себя. Именно тогда у Виктора появились понимание реальности и фатальности смерти. А теперь он видел перед собой глаза отца. Но что его поразило, в них не было обреченности и страха. В них было то, что Виктор не мог ожидать от отца в такой ситуации. Покой. И странная ирония. Обращенная, как показалось Виктору, к самому себе.

Ох, оказывается, как это тяжело! Понимать, что с отцом так плохо, по-настоящему плохо! Надо что-то делать. Но надо во всем разобраться. Вечером они долго сидели с матерью на кухне. Отцу сделали укол, и он рано заснул. А они с матерью за чаем проговорили за полночь. Она рассказала ему все, что узнала за это время от врачей, по-женски тщательно пересказала ему все беседы с отцом, врачами, всё, касающиеся его болезни.

Утром Виктор повозился с мотоциклом, завел застоявшуюся технику и поехал в город в больницу. Врач оказался практически ровесником Виктора, большим умницей со званием. Виктору повезло, Валерий Абрамович, так звали врача, практиковал в Ростове, а в их больницу наведывался для консультаций и наблюдения за несколькими больными. Отца Виктора он помнил, историю болезни нашли быстро и разговор у них получился. Виктор сразу объяснил ему, кто он, что специально прилетел из Мурманска, что был в рейсе и не имел возможности вовремя вмешаться в ситуацию. И разговор, на взаимных симпатиях, состоялся. Но результатом разговора стало окончательное понимание Виктором, что они опоздали. Опоздали. В чем помог Валерий Абрамович, так это в том, что детально рассказал, чем помогать отцу в последние дни, когда болезнь безжалостно начнет добивать, принося жестокие страдания. Написал именныересепты, сопровождал записками нужным людям, для приобретения обезболивающих инъекций. Отказался от денег. Пожали друг другу руки и разошлись. Рука у Валерия Абрамовича оказалась крепкой. Когда Виктор уже был в дверях, врач остановил его.

– Ты это, – они на «ты» сразу перешли, – говори Павлу Петровичу, что это лечащие лекарства. Понимаешь – лечащие.

– Я понимаю. Но отцу этого говорить нет необходимости. Он у меня такой...

– Да, да..., я помню, – и отвернулся к окну.

Лекарства Виктор нашел и купил в течение дня. Заехал на междугороднюю переговорную станцию, позвонил Наташе. Она завтра должна была поездом выезжать. Сообщила вагон, попросила встретить. Вкратце рассказал об отце. Наталья на той стороне всхлипнула. «Вить, неужели это все?» «Ну что ты, Нат, ты лучше приезжай скорее. Мне без тебя тяжело. И он тебя видеть хочет».

Во двор заехал с тяжелым чувством. А отец сидел на веранде, тепло одетый, и курил. На Виктора посмотрел, хитро прищурившись, и заявил:

– Что смотришь? Физиономию повеселее сделай. Все хорошо. Мать сказала, что ты к врачам поехал. Как они там?

– Ничего. Валерий Абрамович привет вам с мамой передает.

– Спасибо. А как ты его застал? Он же так редко наезжает. Ладно. Ты наверно думаешь, что я начну тебя расспрашивать? Нет. Не буду. Я вот сижу и думаю, надо во дворе душ отремонтировать. Или новый сделать. Надя до октября купается. Представляешь? И ничего её не берет. Совсем холода не боится.

– Хорошо, папа. Я сделаю новый.

– Э-э. При чем здесь ты? Я сам все сделаю. Ну..., разве что поможешь.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно. Завтра и начнем, сегодня уже поздно. Иди, говори матери, чтобы ужином кормила. И, знаешь..., я бы не против – по рюмашке. А?

– А я и по две согласен.

И поужинали, и по рюмашке выпили, и повторили. Вчерашний разговор продолжили. Потом отец расспрашивал Виктора о Норвегии. Многим интересовался. Как люди живут, как одеваются, что пьют, что едят.

– Как тебе их капитализм?

Виктор засмеялся.

– А как вам рассказывать? Как коммунисту, или просто, правду рассказать?

– Рассказывай, как знаешь. Ты ведь врать не умеешь. Чем мы с матерью можем гордиться, так это тем, что не научили вас с Людой врать. Правильно я говорю, Надя?

Мать молча кивнула. Она сидела тихо, чуть отодвинувшись от мужчин, слушала их разговор и, видимо, любовалась ими. Во всяком случае, изредка по лицу её пробежала тихая, грустная улыбка. После каких-то слов она кивала, даже когда к ней не обращались. Виктор пожал плечами:

– А вы знаете, если честно, то я его очень скоро не стал замечать. Их капитализм. Я ведь много раз в норвежские порты заходил. Знакомые появились. И в службах портовых и среди работников компаний, с которыми дела имели. Основное, что их отличает в работе, так это оперативность. Если с тобой человек приехал на встречу, то он в состоянии все вопросы решать. Любые. Понимаешь? И тут же тебе бумагу подпишет, если надо. И обязательно выполнит то, что обещал, о чем договорились. А мне иногда стыдно бывало. Я как бы договарюсь, а потом говорю – погодите. И к рации бегу. С начальством в Мурманске связываюсь, «добро» получаю. Стыдно. Они ведь все видят, понимают.

– Да. У нас когда-то тоже купцы были. И слово купеческое было. Знаешь, что значило «купеческое слово»?

– Слышал.

– Вот.

Отец помолчал, глянул почему-то, как показалось Виктору, вопросительно на мать и спросил:

– Ты нам как будто писал, что в партию вступил?

– Было дело. Меня бы никто не допустил капитаном-директором на большой пароход, будь я беспартийным.

– Ну да. Конечно. А тебя при приеме в партию не спрашивали, кто твои деды, бабки были?

– Не-ет. Родителями интересовались, это помню. И, уверен, что вами здесь органы тоже интересовались. Это и в связи с тем, что я капитан, и в связи с тем, что за границу хожу.

– Возможно, – отец поморщился, толи от сказанного, толи от боли.

В этот вечер Виктор узнал, кем были его предки. Его прадед по отцу был богатого казачьего рода Морозов, в нескольких поколениях владевших землями, кирпичным заводом, и другими производствами в станице Старолеушковской, здесь, на Кубани. Отец с матерью в этот вечер много чего рассказали сыну, о чем никогда не говорилось в детстве. Виктор ни о чем не спрашивал, в этом не было необходимости. Родители, как будто, задолго до этого приготвили рассказывать ему так много того, о чем долгие годы молчали. Не только с детьми, но и между собой не затрагивали они никогда тему родословной, тему предков. Время было не то, чтобы не только гордиться, даже вспоминать о достойной жизни до семнадцатого года.

Горела только одна настольная лампа в комнате, в которой сидели Виктор с матерью. Отец сидел в темноте, в глубине второй комнаты на диване. Изредка подавал реплики, согла-

шался или поправлял рассказчицу. И тогда из темноты выплывало его лицо, даже в слабом свете лампы бледное с тенями боли. А мать, будто для записи стенограммы, будто она диктант диктовала, скрупулезно, вспоминая каждую ветвь родословной, открывала перед Виктором, уходящую в глубину прошлого века, наполненную вдруг живыми образами, с характерами и особенностями череду ушедших людей, становившихся с каждым словом понятными и близкими. Виктор смотрел в темное окно, и там, за границей стекла оживали образы тех, о ком так неожиданно мастерски рассказывала мать. Он оглядывался в комнату и видел слабо освещенные лица родителей, проводников между ним и теми, кто в этот вечер вышел из тьмы времени на встречу с ним. Все что он услышал, потрясло его, разволновало. Эту ночь он почти не спал. В утреннем сне над ним в голубой вышине вновь проплыли белые гордые птицы. На этот раз Виктор стоял посреди бескрайнего поля колышущейся спелой пшеницы. Он поднял приветственно руки и не опускал их, пока лебеди не растворились в небесной голубизне у края горизонта. Он знал, куда они летели. Они летели домой.

Наутро Виктор с отцом действительно занялись малым строительством. Конечно, в основном работал Виктор. Старый душ, стоящий в глубине двора, сломали. Для нового использовали только бочку. У отца, оказывается, были заготовлены и бревна и доски. Отец руководил и, если требовалось, что-то поддерживал, подносил, а Виктор строил. В этот день они не закончили. По ходу работы вносили усовершенствования к первоначальному плану отца. Вырыли яму, насыпали дренаж, уложили из старых кирпичей фундамент. Несмотря на то, что отец физически не особенно участвовал, он заметно устал. Поэтому в этот день рано закончили. Вечером, после ужина сидели на веранде, курили, отец опять расспрашивал о работе, о том, как Виктор дальше жизнь планирует. Завтра должна была приехать Наташа.

– Мы с матерью часто вспоминаем, как ты приехал к нам в отпуск холостяком, а уехал женатым человеком. Не жалеешь?

– К чему это вы?

– Ты уж не серчай, я откровенно буду говорить. И, – отец кашлянул, – как с равным. Родители, вообще, а к старости все чаще, думают о детях. Как они? Что делают, как живут? Понимаешь, да?

– Чего не понять. У самого...

– Так вот. Я о тебе когда думаю, всякий раз вспоминаю тот твой приезд, о котором сейчас говорили. Ну, когда вы с Наташей уехали. Мне кажется, что ты чего-то нам не договорил. Загадка какая-то осталась. И мать мне все что-то говорит. Толи знает что, толи догадывается. Женщины, они тоньше нас чувствуют такие вещи. Согласен?

Виктор молчал. Отец затушил папиросу и закашлялся.

– Пойдем в комнату, холодно уже, – Виктор помог отцу встать.

– Молчишь? Значит мы с матерью правы были. Она мне говорит, что у тебя там, в Мурманске женщина была.

Виктор ничего не сказал. Вошли в дом, молча разделись. Как будто и не было разговора. Когда уже сели ужинать, мать, будто она в их разговоре участвовала, тронула Виктора за руку и с улыбкой спросила:

– Витя, дело прошлое, рассказал бы нам всё, как было?

– Мама, мне кажется, что вы что-то знаете?

Никак не хотелось Виктору разговаривать на эту тему. Хотя, с годами его самого не раз посещали невеселые мысли, напоминающие об исчезнувшей Варе, о её последнем с ним разговоре. О Варином ребенке, которого с годами Виктор вдруг стал воспринимать не только как Вариного. Крепнущее мужское самолюбие подсказывало, что очень легко он принял предложенный Варей вариант отношений с их ребенком. Он все чаще применял в этих воспоминаниях – их ребенок.

У Виктора с Наташей росла дочь Леночка. Шел ей уже тринадцатый годок, была она очень похожа на маму, только рост и цвет волос папин взяла. Была она любимой дочкой, но не избалованной. А возникшие отцовские чувства к дочери напомнили ему о том, что он уже давно отец. И где-то топчет землю человечек, его кровинка.

– Что я знаю – это моё, – мать прямо глянула Виктору в глаза, – ты нам расскажи, что ты знаешь. Чай не мальчик уже. Эвон, капитан-директор, людьми руководишь, моря чуть не все обошел. Тебе ли робеть? Рассказывай.

И Виктор все рассказал. Видимо атмосфера последних двух дней, атмосфера полной откровенности, доверия и родительской теплоты сказалась. Рассказал буквально с первого дня знакомства с Варей, вспомнил даже Тамару. Только о ребенке язык так и не повернулся сказать. Родители молчали, не перебивали не переспрашивали, будто боялись спугнуть рассказ. В конце отец не выдержал, спросил:

– А как она выглядит, Варя? Хотя..., что я спрашиваю у мужика, – он улыбнулся матери, – разве Витька сможет...

Виктор положил голову на плечо и задумался. Улыбнувшись, почесал затылок виновато, как мальчишка и сказал неожиданное.

– А вы знаете, я вот попытался сейчас её точно себе представить и вдруг понял, что я её помню такой разной, что, пожалуй, единого портрета у меня не получится.

– Как это, – удивилась мать.

– А вот так! У меня даже вот сейчас, вдруг вспомнилось...

Виктор замолчал, глядя в окно. И молчал долго. Родители тоже молчали. Отец продолжил есть, мать встала и пошла к плите, загремела кастрюлями.

– Я однажды, – Виктор заговорил медленно, подперев подбородок сцепленными руками, уперев локти в стол, – увидел её в странном образе. Вот так же сидели с ней, с Варей за столом, разговаривали, она в одном халатике была. И вдруг смотрю – а напротив сидит женщина такая, знаете, необыкновенной красоты. Не девушка – женщина. прическа у неё какая-то удивительная, я запомнил. Две седые пряди, вот так, – Виктор показал руками. Я глаза от удивления закрыл..., открываю – сидит моя Варя, смотрит на меня, как ни в чем не бывало. Я об этом никогда никому не рассказывал. Потому, что сам себе не верил. Почудилось видимо. А вы спрашиваете – какая она? Удивительная она..., была. И красивая, конечно. Стал бы я..., с некрасивой, – Виктор усмехнулся.

– Витя, ты как был мальчишкой выдумщиком, романтиком, так ты им и остался, – мать махнула на него полотенцем, – только вот этого постыдись: «некрасивая», «не стал бы».

А отец после слов Виктора вдруг замер на стуле, раскрыв на сына глаза и, перебив жену, спросил:

– А на этой..., женщине, что одето было?

– Да ну тебя, Павел, – мать легонько хлопнула по спине полотенцем отца, – и ты туда же.

– Одето? – Виктор тоже удивленно глянул на отца, – что-то красное, – Виктор прищурился, вспоминая, – а что?

Отец помолчал и махнул рукой.

– Ладно, проехали. Просто, интересно. Ничего, сына, такое бывает. Но не красное – бардовое, и с инеем как будто...

– Да..., – теперь уже пришлось удивляться сыну, – хочешь сказать, что ты её тоже видел?

– Во время авианалета на наш аэродром. Мне тогда тоже показалось, что я её видел. Я тогда чудом жив остался.

– Вы в сторону то не уводите со своими красивыми женщинами, – мать тряхнула Виктора за плечо, – ты лучше скажи нам с отцом правду. Ребёночка ты с этой, как её – Варей? Не завел?

– Ну вот, договорились, – Виктор сокрушенно отодвинулся со стулом, – ладно, слушайте.

И Виктор рассказал все до конца. Все, что знал. И то, что ему рассказали о том, как Варя исчезла из Мурманска. Как он искал её дедушку Берко, и как ему рассказали, что старого фельдшера растерзали в сопках волки. Родители слушали, на этот раз мать охала, отец морщился, кривил от боли губы, даже постанывал. Мать гладила его спину, но не вставала, слушала сына. Виктор замолчал и молчали родители. Потом мать, наклонив к отцу голову, тихо сказала ему:

– Ну вот, теперь хоть наверно знаем.

Отец не сказал ни слова об услышанном. Только в очередной раз поморщился, видимо от боли, сжав руки на животе.

– Надя, я пойду, лягу. Ты уколи меня.

Ночью отца несколько раз рвало. Мать не спала, убирала, перестилала постель. Виктор помогал ей. В окно стучал дождь, гудел в ставнях ветер. Отец, когда его ненадолго отпустило, скривив в улыбку рот, пошутил:

– Это у меня на погоду. Утром проснусь, как молодой. Да, родненькая? И поедем невестушку любимую мою встречать.

Виктор немного поспал, мать его не тревожила. Утром отец не встал. Кроме боли навалилась слабость, не прекращающаяся тошнота. Мать за ночь сгорбилась еще больше, ходила, шаркая ногами, садилась, отрешенно смотрела в окно, с удивлением на дверь в комнату, где лежал отец. Виктору сказала:

– Ты занимайся своими делами, не отвлекайся. Я сама с отцом управлюсь. А ты езжай, встречай Наташу. Мы вас ждать будем.

Когда Виктор уже выкатывал мотоцикл из двора, подошла.

– Ты отстучи Людмиле телеграмму. Пусть собирается.

Поезд пришел вовремя. Виктор стоял на платформе и издали в подходившем вагоне увидел выглядывающее из-за спины проводника Наташино лицо. Дорогой мой человек! Как мне без тебя плохо! Как я рад тебе, как ждал я тебя! Последние годы Виктору все тяжелее было расставаться с женой. За стоянки на берегу, короткие они были или длинные, он всякий раз все больше привыкал к ней, к тому, что всякая мелочь у них становилась общей, всякое дело они решали и приводили в исполнение вместе. В этот раз они расстались ненадолго, но он уже соскучился за ней.

– Ты обратила внимание на то, что в первый раз в жизни я тебя встречаю?

Виктор подхватил её с последней ступеньки и поставил на платформу. Проводник подал большой, мягкий, на ремнях чемодан.

– Молодые, не перекрывайте проход, отходите. Стоянка короткая, а вы обниматься надумали. Пропустите людей.

– Ну вот, Натуль, мы с тобой «молодые».

– Вить, я не пойму, ты как будто и улыбаешься, а вид грустный. Что? Плохи дела?

– Плохи. Хуже, чем я предполагал.

Пока ехали домой, Виктор все подробно рассказал Наталье об отце, о том, о чем ему поведал врач.

– Как там моя Ленка?

– Они с бабушкой передают тебе приветы, поцелуи и просят не беспокоиться. У них флотский порядок.

– А ты, как и договаривались, на недельку? Отпустили?

– Да, я договорилась. Надо будет, еще на недельку задержусь. Не хочу тебя одного здесь оставлять.

– Ты настоящий друг, Наташка, – Виктор грустно улыбнулся, – я ведь и не знаю, сколько еще мне здесь придется быть. Ты меня, а я мать одну оставить не смогу. Вот так. Ну, ты сейчас сама все увидишь.

Подъезжая к дому они увидели неожиданное. У ворот стояли отец с матерью. Отец стоял прямо, вздернув острый щетинистый подбородок, и улыбался одними глазами. Мама обеими руками толи держалась за его согнутую руку, толи поддерживала отца. Начинал вновь накрапывать дождь, и не понятно было, стекают по их лицам капли дождя, или это слезы.

– Папа, мама, ну что же вы, идите в дом, – Виктор замахал на них руками.

А Наталья бросилась к отцу, обняла его и на носу у неё тоже повисла непонятная капля. Суется и мешая друг другу, наконец, вошли в дом и родители вновь начали обниматься с невесткой, расспрашивать о матери, о внучке Леночке, непрерывно предлагая ей, то присесть, то переодеться. Наконец все разделись, благо в доме было тепло. Виктор перед тем, как уехать на вокзал растопил печь, а мать перед самым их приездом подбросила угля. Скоро отец лег на диван а все расселись вокруг него и просидели за разговорами до ужина. К вечеру отцу вновь стало плохо, и Виктор предложил матери колоть лекарство, которое порекомендовал врач Валерий Абрамович. Сделали укол, и отец через несколько минут уснул и проснулся только на следующее утро.

Наталья сразу включилась в работу. Она не просто помогала матери, она полностью заменила её в уходе за отцом. Виктор заканчивал начатые с отцом ремонтные работы во дворе. Отстроил душ, отремонтировал забор, напил дров. А по вечерам сидели вчетвером у постели отца и, если он себя нормально чувствовал, вели долгие разговоры. Обо всем.

Отцу с каждым днем становилось все хуже. Он уже почти ничего не ел, очень сильно похудел и ослаб. Говорил тихо и не долго. Кололи его все чаще. Случилось так, что Виктор заглянул днем к нему в комнату, и отец поманил его к себе рукой. «Присядь». Отец лежал на своем диване, глубоко утонув головой в большую подушку. Болезнь фатально, необратимо меняла образ родного Виктору человека. Белая щетина, вихор седой пряди на белой наволочке, запавшие глаза на заострившемся лице как будто отдаляли больного, ставили непреодолимую, все увеличивающуюся преграду между ним и остальными живыми людьми. Виктор присел. Сел поближе, потому что все уже стали привыкать к тому, что отец говорил тихо.

– Сына, ты читал Антуана де Сент-Экзюпери? – глаза отца улыбались.

Эту улыбку Виктор запомнит на всю жизнь. Пройдут десятилетия после смерти отца, вспоминаться будет именно эта улыбка. Одними глазами. Она станет для Виктора образом отца.

– Да-а, – удивился неожиданному вопросу Виктор, и вспомнил, – совсем недавно читал «Планета людей». Замечательная вещь. А почему вы спросили?

– А «Маленького принца»? Читал?

– И «принца» читал. Только давно.

– Если помнишь, – отец говорил с трудом, – принц каждое утро, вставая, убирал свою планету.

Молчал, смотрел на Виктора с той же улыбкой. Виктор пожал плечами.

– Возможно. Да-да. Что-то вспоминаю.

– Планета у него маленькая была..., день заканчивался быстро..., надо было спешить. Ты это учти в жизни – за собой убирать..., надо успеть..., ты людям должен память о себе оставить..., чтобы не стыдно было.

Виктор смотрел на отца, он не знал пока, что отвечать.

– Антуан знал, что ему не долго отмерено..., он маленькую планету придумал..., спасибо ему за «принца».

– Почему вы это вспомнили?

– Так. О жизни думаю. Вот, принца вспомнил. Незамысловатая, казалось бы, тема. Да? ... Но в ней каждый свой смысл находит. Видишь?..., так уж литература устроена..., хорошая литература. Антуан этот, он лётчиком был..., и писателем. Хорошие профессии. Достойные. У него во всем, что он написал, о достоинстве говорится..., о чести..., об ответственности.

Вот. Об ответственности. Потому принц свою планету с утра убирает. Антуан Сент-Экзюпери лётчик и писатель..., а ты моряк...

Виктор молчал, понимал, что отец что-то договорит.

– Ты с морей иногда письма нам присылал..., мать их вслух читала..., а потом я их сам перечитывал...

Отец замолчал. Видимо придавила боль. Виктор забеспокоился.

– Позвать Наташу?

– Не надо..., потом..., дай договорю, – еще помолчал, поморщился, – тебе писать надо..., ты молодой еще, можешь, если надо подучиться..., ты письма писал так, что мы все, о чем ты писал буквально видели. Тебе писать надо.

– А ведь вы не первый это мне говорите. Мне на днях попутчик в самолете сказал то же. Священник. Представляешь? Посидели, поговорили и он мне прощаясь такое сказал. Может и правда, попробовать?

– Священник? Мне бы..., – скривился от боли и замолчал. А в глазах у отца Виктор увидел просьбу.

Виктор позвал Наталью, и она сделала отцу укол. Это был последний разговор Виктора с отцом.

Глава четвертая. Капитанша

В каюте капитан-директора сизыми слоями плавает ароматный дым. Несмотря на лёгкий мороз, иллюминаторы открыты настежь, так же настежь открыта и дверь в широкий проходной коридор до рулевой рубки. Кроме капитана в каюте еще двое. Мужчины солидные, на руках бронзовеют широкие галуны, тот, который выглядит и ведет себя, как старший – устроился на диване, с галунами до локтя – в кресле. На столе яркими наклейками красуются три бутылки заморского пива, в центре стола бутылка бренди. На краю, ближе к дивану черного дерева сигарный ящик с открытой крышкой. Такого же черного дерева настольный каттер для обрезки сигар. На внутренней стороне крышки ящика мулатка в бикини на фоне цветущих олеандр. Хозяин каюты Сергей Корольков стоит в дверях, ведущих в спальню капитана, с бокалом в одной руке и сигаретой в другой. Лицо у него покраснелось толи от выпитого спиртного, толи от спора, разгорающегося в последние минуты.

Транспортный рефрижератор «Ван Рейн», капитаном которого уже второй рейс ходит Сергей Михайлович Корольков, часа два назад ошвартовался в рыбном порту Мурманска, и на его борт следом за пограничниками и таможенниками поднялись: заместитель начальника управления и работник министерства собственными персонами. Офицеров пограничников и таможенников сразу подхватил старпом и увел к себе в каюту, а начальство, встреченное Сергеем у трапа, торжественно прошествовало в капитанскую каюту и сразу, без церемоний, бросив пальто и шапки в свободное кресло, расселось по диванам. Поскольку рукопожатия, похлопывания по плечам, поздравления с приходом в родной порт и гостеприимные слова Сергея были сказаны ещё у трапа, то гости дружно разобрали предложенные им бокалы и, звонко чокнувшись, недружно буркнув «с приходом», проглотили содержимое. Оба закурили по сигаре, и вот уже полчаса идет беседа, мало похожая на радостную встречу после долгого рейса. В основном говорят двое. Вкрадчиво, тихо начал министерский гость и, вначале спокойно, а затем, все более распаляясь, отвечает ему Сергей. Потому, как второй гость смотрит на Сергея и кивает, нетрудно понять, что тихий собеседник говорит от их лица. Одним словом гости пришли встретить капитана транспортного рефрижератора с рядом вопросов, не терпящих отлагательства. Иначе, зачем портить моряку такой праздник, как приход в порт после длительного рейса. А то, что праздник портится с каждой минутой, нетрудно понять по лицу капитана.

Следует сказать, что свидетелем разговора является еще один человек. Первой в каюту прошла Татьяна, жена Сергея. Она первой и по трапу поднялась. Сергей, потискал в объятиях жену и, видя чинно взбирающееся по трапу начальство, шепнул ей «иди в каюту», а сам широко улыбаясь и шутливо отдавая честь, двинулся навстречу гостям. И теперь она сидит в кресле у него за спиной в спальней каюте, хмурится и стряхивает с лежащей на коленях норковой шапки невидимые капли. Дорогие гости, естественно, знают об её присутствии в каюте, они успели поздороваться с ней еще у трапа, но никого её присутствие не беспокоит. Значит тема, обсуждаемая в каюте, не тайна для Татьяны и все это учитывают. А то, что тема разговора не для посторонних становится ясно, когда один из гостей раздраженно говорит Сергею, после того, как в нескольких шагах от двери кто-то остановился и стали слышны голоса, «да закрой же дверь!». Сергей неспеша подошёл к столу, затушил сигарету, допил из бокала, аккуратно поставил его на стол и только тогда направился к двери, плотно прикрыл её и огрызнулся «а я знал, что вы с таким дерьмом ко мне придете?».

– Грубишь? – удивленно повернулся к нему заместитель начальника управления.

– А ты как хотел? – Сергей прошел к иллюминатору и подставил лицо под свежую струю воздуха, – я лебезить с детства не умел. А вы ведь, я так понимаю, хотели бы, чтобы я сейчас

суетиться начал, обещания раздавать. Мол, ребята спите спокойно, я все сам творил и все на себя возьму. Так?

– А как по-другому? – скривил улыбку министерский.

– А так, Марк Давидович. Все будет по правилу, каждый баран за свою ногу висит. У меня, не знаю, обрадует это вас или расстроит, все задокументировано. Мне вообще свойственно относиться к работе ответственно. Можно подумать, что это новость для вас. Раньше вам это нравилось.

– И что у тебя задокументировано? – почти разом вскинулись гости.

– Не поверите – все.

– Покажи, – Марк Давидович даже привстал с дивана.

– А это видел? – Сергей согнул руку в характерном жесте, показав «по локоть».

– Ты чего, капитан? Да ты на берег не сойдешь. Я сейчас ребят пришлю, сам бумажки отдашь.

– Маркел, ты меня удивляешь, – Сергей подошел вплотную к откинувшемуся на спинку дивана министерскому чину, – пугаешь меня? Ты уже все на блатные рельсы переводишь?

– Капитан, а ты все эти годы в детской песочнице сидел? Ты хоть понимаешь, что если мы сейчас уйдем, не договорившись, то ты пропал. Мы отделаемся лёгким испугом, немного темп потеряем, а тебя отправим по этапу. В лучшем случае. На какой... ты нам нужен такой добросовестный? Задокументировал он. Слышь, Гена, он за-до-кументировал? – обратился Марк Давидович к заму.

Гена сделал возмущенно удивленное лицо. В этот момент из дверей спальни вышла Татьяна, села в свободное кресло, закинула ногу за ногу.

– Мужики, а чего вы беситесь? – голос спокойный, как будто она не заметила накала страстей.

– А никто не бесится, Татьяна Васильевна. Кроме твоего благоверного. Вразуми его, женщина, – Марк Давидович заерзал на диване, будто собираясь встать, – поясни ему, что он не на промысле, он на берегу, здесь геройствовать с головой надо. Понял, капитан? – Маркел постучал себя по голове согнутым пальцем, – головой!

– Я вижу – вы беситесь. А теперь послушайте женщину. Вы что, глухие? Вы не слышите, что Сергей вам говорит. У него на все документы есть. Соображаете, министры? Цеховики вы, а не министры.

Маркел нахмурился и вцепился взглядом в Татьяну, в глазах у него промелькнул интерес.

– И чё? Давай, давай, поясняй. Мне кажется, я понимаю, о чем она, – толкнул локтем зама.

– А если понимаешь, то, что я вам пояснять буду? Вы коньяку выпили? Сигары хороши? Можете по паре штук взять. И давайте разбегаться. Я мужа три месяца из рейса ждала. Не до вас.

Маркел хлопнул по столу ладонью.

– Ну баба!

– Не стучи! Ты что сказал? Через пару дней здесь следователи зашевелиятся? Нам с Сергеем одного дня хватит, чтобы с бумагами разобраться. Завтра к вечеру получишь полный список, по которому договора задним числом заготовить надо будет. Все поняли, министры?

Помолчали. Сергей хмыкнул и ушел в спальню. Оттуда послышался шум струи воды и фыркание. Когда он появился в двери с полотенцем в руках, гости одевались. Марк Давидович пошел на выход, не прощаясь. В дверях обернулся и подмигнул Татьяне.

– Капитанша! Да, Сергей Михалыч, вы вдвоем, как неприступная крепость. Чтож, давайте, действуйте. Я зерно вижу, но не знаю, насколько это реально. Если у вас все действительно так, как она говорит, то мы со своей стороны все порешаем. Только надо торопиться.

А Гена, выходя, уточнил.

– Сергей Михайлович, ты только учти, если не заладится, всё будет, как мы тебя предупредили. Мы не пугаем, мы констатируем.

– Нет, Гена, ты меня разочаровываешь, – Сергей швырнул полотенце на кресло, – мы же с тобой уже как то об этом говорили. Забыл? Я пе-ре-возчик. Я взял – положил, передал. Все! А груз-то ты получаешь? Ты заказчик. Вот иди и дрожи. А меня пугать нечего!

– Ну, не кипешишь, не кипешишь.

Гости ушли.

– Вот суки! Волки поганые! Скажи мне, чего они приходили?

– Сергуня, – Татьяна обняла его, прижалась и заглянула в глаза, – как я соскучилась!

– Тань, – Сергей погладил её по голове, – ты у меня золото, но дай я делами займусь. На борту народу сколько, у всех ко мне дела. Разгребу и поедем домой.

Сергей надел пиджак, куртку и направился к выходу.

– Я вот не пойму, что за паника? Кричат «нас проверяют! Через два-три дня здесь ОБХСС будет, тебя проверять будут!». Почему через два-три дня? А почему не сегодня? Почему меня у трапа следователи не встречают? А? Не пойму.

– А я тебе скажу. Я еще сидела там, – Татьяна кивнула в сторону спальни, – я все сложила. Они просто страхуются. Раз Маркел здесь, значит это Московский уровень. Где-то у них провал. Кто-то попал под колпак. И это не обязательно здесь, в Мурманске. Это может на Дальнем востоке пожар. А они примчались здесь подстраховаться.

Татьяна села в кресло и показала Сергею, чтобы он тоже присел.

– Минуту еще задержись. Послушай меня. Давай мне все бумаги, и я поехала домой. Я сама все разложу. У тебя действительно все задокументировано?

– Тань, ну ты же все знаешь. Мы с тобой давно это обсудили. Любое перемещение грузов, предусмотренное или нет, я подкрепляю накладной. У меня даже норвеги не сопротивляются. А им всё равно. Посмеиваются и подписывают. Им то что? Ну, хорошо. Ты посиди, я сейчас второму скажу, он тебе еще бумажек поднесет. Действительно, езжай домой, а я к вечеру приеду. Ты на машине?

Татьяна кивнула. Сергей ушел, оставив дверь открытой. А Татьяна вышла из каюты и не спеша, мурлыча себе под нос «опустела без тебя земля», прошла на мостик. С ней здоровались пробегающие по коридору штурмана, радисты. Все её хорошо знали, если здоровались, то обращались по имени-отчеству. На мостике подошла к большому иллюминатору и замерла перед открывшейся ей красотой. С высокого мостика Серёжиного парохода виден весь рыбный порт и другая сторона залива. Внизу на палубе у открытого трюма копошатся люди, на причале у борта «Ван Рейна» вытянули шеи портовые краны, свистнув длинной струей пара, в сторону залива ползет буксир. А привычнее для них, подумала она о Сереже и его штурманах, видеть вокруг бескрайний горизонт. Задумалась и вздрогнула, когда её сзади тронули за плечо.

– Татьяна Васильевна, Сергей Михайлович приказал вам передать.

За спиной стоит мужичок в старенькой форме с помятыми погонами, в руках у него аккуратная папка с завязанным бантиком. Мужичок невысокий, вежливо ссутулился, лысоват, но давно не стрижен, и над ушами у него встают клубы седеющих выющихся волос.

– Вы второй помощник?

– Да.

– Как вас звать? Я вас не знаю.

– Михал Исаакович. Меня в этот рейс перед самым отходом направили.

– Накладные вы оформляли? – спросила больше для поддержания разговора, взявшись за папку.

Михаил Исаакович, не выпуская папку из рук, зачистил:

– Я. Конечно я. Это моя сфера, понимаете ли, моя обязанность. Здесь всё движение грузов за рейс. Посмотрите, здесь отдельно ордерные коносаменты, вы их, я слышу, товаротранс-

портными накладными называете, отдельно индоссаменты. Это когда мы у норвежских промысловиков рыбку брали.

При упоминании норвежских промысловиков, второй снизу заглянул Татьяне в глаза. И она заметила тревожное внимание.

– Хорошо, хорошо, давайте же папку.

Михаил Исаакович с неохотой отдал папку.

– А вы мне её вернете?

– Михаил Исаакович, дорогой, мне она зачем? Сергей Михайлович вам её, если надо, вернет. Отдыхайте. С приходом в порт вас! – и пошла в каюту.

Вслед услышала протяжное «спаси-ибо». В каюте открыла папку, убедилась, что там, действительно, все аккуратно подшито, вновь завязала и засунула её под пояс юбки. Папку накрыла толстая вязаная кофта, сверху не застегнутая шуба. Решила, что конспирация не мешает и, легко помахивая сумкой, спустилась на нижнюю палубу.

На палубе встретила мужа, чмокнула в щеку и деловито пошла к трапу. Новенькая черная «Волга» стояла недалеко. Эту машину в порт пускали. Татьяна села за руль, опустила стекло, с высокого борта смотрел на неё муж. Когда она выглянула, он помахал рукой. Забыла ему сказать, что заметила у него седую прядку на одном виске. Рано, подумала, ой рано, подняла стекло и вырулила на прямой причал.

Сергей приехал домой за полночь. Дочка спала, сына Вовки, курсанта Мурманской высшей мореходки дома не было, не спала только Татьяна. И к приходу Сергея она уже полностью разобралась в бумагах. На дне папки нашла несколько чистых бланков ордерных коносаментов с подписями и печатями грузоотправителей. Она составила список недостающих договоров с датами и количеством полученного груза рыбопродукции и приложила к списку чистые бланки коносаментов. Все. Сергей мог спать спокойно.

Глава пятая. Друзья

Все встречи случайны. Кроме тех, что запланированы. Кем? Хороший вопрос. Сергей Корольков встретился с Игорем Мячиным случайно, на улице. Ба! Какие люди!

– Серёга! Ну, ты заматерел. Смотри ты, даже брюшко намечается. Давно с морей? Хотя..., что я спрашиваю? Я же «Ван Рейн» дня два назад сам при швартовке подстраховывал.

– А ты на себя в зеркало давно смотрел? Седой, как лунь. Рано ты что-то.

– Да брось ты, какой лунь? Виски немного поседели. Так это мужика украшает.

– А усы? Игорёк, не прибежняйся. Хотя..., конечно выглядишь ты, как всегда – красава!

А я, да, третий день берег топчу.

Друзья встретились на Пяти Углах, стояли, трясли друг другу руки.

В Мурманске уже несколько дней установилась необычно теплая для зимы погода. Дело, условно, к вечеру, полярная ночь, снежные тучки над заливом посыпающие город пушистым снегом. Слабый морозец не торопит людей разбежаться по домам. Рабочий день закончился и на улицах непривычно много народа. Тихо падающий снег в пятнах фонарей, лёгкий скрип под ногами, располагает для прогулочного шага. Вот и Игорю с Сергеем не захотелось сразу расходиться.

– А не зайти ли нам куда-нибудь, по рюмочке чаю, а? Ты как? – Сергей оглянулся по сторонам.

– Да не крути головой. Ты же забыл уже названия улиц. Все по заграницам, да по заграницам. А на берег пришел – с трапа и прямо в свою «Волгу». И ту жена водит. Не смотри на меня так. Не осуждаю я. Но и не завидую, – Игорь погрозил пальцем.

– Хорошо, хоть не завидуешь. Нечему завидовать.

– Это почему?

– Долго рассказывать. Ну, так как ты, насчет посидеть где-нибудь.

– Я ведь не пью, Серёга. Посидеть с тобой, поговорить – это с удовольствием. Пойдем в «Арктику»?

– А говоришь, что не пьёшь. Пошли. Я тоже ближе ничего не знаю. Боюсь только, что мест там сейчас свободных не будет.

– Найдем, – уверенно сказал Игорь.

И нашлось. Свободный столик у колонны на двоих. И официантка неожиданно внимательная, заботливая, скатерку перестелила чистой стороной, с Игорем на «ты».

– Что-то не складывается. В кабаке быть своим и не пить – нонсенс. Не так, чтоли?

– Не так.

– А как? Часто здесь бываешь? Ты все так же, на «Матросове»?

– На «Матросове». Здесь бываю часто. Не пью. Нормально? Ты чему удивляешься? Не складывается, говоришь?

Сергей, действительно, удивленно разглядывал Игоря.

– Открываю тебе страшную тайну. Я здесь, в «Арктике» работаю. Вернее сказать, подрабатываю. Ирочка, – он тронул за руку, стоящую молча рядом, официантку, – ты нам хорошей холодной закусочки сооруди, двести грамм водочки и бутылку «Боржоми». Да, на чем я остановился? В оркестре я играю, на своем кларнете. Во-от. Пригодился. Играю, представь, не столько для денег, сколько для удовольствия.

– Что, так уж не нужны деньги?

– Нужны, конечно. Это я так, позлить тебя хотел. Знаю, что у тебя денег – куры не клюют.

– Откуда знаешь?

– Серега! Мурманск такой большой? Да у нас каждый бомж знает, что капитан Корольков фартовый.

– Все-таки завидуешь?

– Нет, Сергей, и не надейся, не завидую.

– Э-э, Игорек, ты не оригинален. Я таких по жизни не раз встречал. Бьют в грудь кулаком, что им не известно такое чувство как зависть, а сами красным глазом косят, как рентгеном.

Сергей взял принесенный графинчик, налил себе рюмку и поднес ко второй рюмке.

– Так ты что, действительно пить не будешь?

Игорь, молча, отрицательно покачал головой, налил себе минералки и, видя досаду в глазах Сергея, усмехнулся.

– Ладно, налей, я чокнусь с тобой, пригублю, но пить, извини, не буду. Мне вечером играть.

– Ты это серьезно? Я думал, что ты шутишь.

– Абсолютно серьезно, Серёга. Я вечером играю в ресторанном оркестре. И мне сдается, – говорил Игорь посмеиваясь, – что это самое интересное и самое лучшее, что я в жизни делаю. Представляешь? Нет? Вижу, что я тебя сегодня в очередной раз удивляю.

Сергей, действительно, молчал, тыкал вилок в тарелку и с любопытством разглядывал Игоря. От Татьяны он уже слышал однажды, что семья Игоря, как ей казалось, ведет странный образ жизни. По слухам, Нина, жена Игоря верующая, да и рассуждения самого Игоря, иной раз, бывали если не смешными, то удивительными. Хотя, Татьяна сама признавалась, Игорь ей нравился, они находили общий язык, когда говорили о музыке. Но, чаще она посмеивалась, говоря о нем – «оригинал». С Ниной Татьяна не дружила и не общалась, разве в редких случаях, когда мужа, включая Виктора Мороз, оказавшись в одно время на берегу, устраивали посиделки. Нина в этих случаях и сама не претендовала на интересную собеседницу, сторонилась женских разговоров, но была незаменимым организатором застолья, придумывая необычные блюда, легко делилась секретами кухни, и готова была одна, освободив от лишних хлопот других женщин, накрывать стол, менять и убирать посуду. И все это делала так естественно, что не возникало ощущения её второстепенной роли, и никто не ощущал неловкости. Игорь к этому относился спокойно, и всех это устраивало. Сейчас Сергей вспомнил об этом только потому, что Игорь снова удивлял его. О чем он говорит? Какой оркестр?

– Брат, я не воспринимаю этого. Мне все-таки кажется, что ты шутишь. Море и ресторанный оркестр. А? Или ты меня, действительно, позлить решил?

Игорь, молча, покачал головой. Откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– А знаешь, есть все-таки вещи, которым я в других людях завидую. Хотя..., может это не зависть? Зависть, это ведь отношение к другому человеку. А моё..., это сожаление. Оно на самого себя направлено. Да. Так вот. Я завидую самому последнему скрипачу, да и не обязательно скрипачу, любому оркестранту, вступающему со своим инструментом в произведении всего на несколько тактов. Представляешь о чем я? Всего несколько тактов. Но он участвует в создании музыки!

Игорь сказал это так, что самому стало неловко. Он увидел по реакции Сергея, что говорит о том, чего друг не воспринимает. Такой пафос был для Сергея смешным.

– Ты как пацан, Игорь. Давай лучше еще по единой, – Сергей потянулся к графинчику, – ты опять пропускаешь? Как хочешь, мне больше достанется.

– Нет, Серега, теперь я договорю. А я вот думаю, что из нас двоих – ты пацан.

– Давай, доказывай.

Сергей уже не скрывал, что ему скучно становиться. Он с видимым удовольствием выпил водку, нацепил на вилку маринованный аккуратный грибок и не спеша отправил в рот.

– Ну, что замолчал? Давай развивай свою философскую мысль о духовном начале. Водочка, кстати, хорошая, – взял в руки графинчик и посмотрел на свет. Соскучился я по прозрачной жидкости, все вискарь, да бренди, – он хохотнул, видя, как Игорь смотрит на него.

– Серёга, а ведь ты, насколько я знаю, потомственный рыбак. Да? Я помню, ты нам рассказывал и про отца и про деда.

– Да. И что из этого следует?

– А почему ты с промысловиков ушел?

– О-о. Еще один следователь на мою голову. Что ты меня пытаешь? Ты вот философ, да? А я прагматик. Мне надо на транспорте ходить – и я хожу. Надо будет на ледоколе идти – пойду. Если мне, – он сделал ударение на слове «мне», – это надо будет. Сечешь? Я этому учился. В моря ходить. Сечешь? Раз уж ты так вопрос ставишь, то это я тебя могу спросить. А что это ты на промысловиках не ходишь? Чтобы буксир по порту гонять, не обязательно мореходку заканчивать надо было. А? Ты уж извини, сам напросился.

– Под дых бьешь? Не выйдет, – Игорь усмехнулся, – то, что у меня судьба с морем не складывается, я уже давно понял. И у меня никаких комплексов по этому поводу нет. Не моё это. Я вот губой трости коснусь, и с первым звуком, – Игорь руками показал, как он кларнет держит, – все вокруг меня пропадает. Все, кроме звука. Нет, я это тебе словами не передам.

– Какой трости? – Сергей поморщился, – что за трость ты губами трогаешь?

– А-а, ты не поймешь, – махнул рукой. Это устройство в мундштуке. Ладно, я что хотел сказать. Исполнять музыку тоже можно за деньги. Что я здесь, собственно, и делаю. Но вот у меня бывает так, что инструмент несколько дней в руки мне не попадает, и я готов заплатить, только добраться до него и ..., ты так смотришь, что пропадает желание говорить об этом.

Сергей, молча, налил себе пол рюмки, выпил и, не закусывая, закурил. Помолчали.

– Нет. Я хренею от вас. У меня такой же..., или почти такой же разговор с Витюней был. Понял, да? С Морозом. Давно уже. И вспомнил я только потому, что ты сейчас говоришь. Он так же, как ты о своей музыке, о море говорил. Ну, может не совсем так же, но с таким же пафосом. Море для него – все! А мне, такому вот простому, кажется, что вы просто по натуре люди восторженные. Как дети, одним словом. Я не осуждаю. Просто я не так живу. Я живу приземленно. У меня есть семья, есть дети, я хочу хорошо, с достатком жить, хочу, чтобы у меня жена не в чем себе не отказывала, чтобы дети в люди вышли. А для этого надо вкалывать. Сечешь? Вка-лы-вать. А вы – инструме-ент, музыку поиграть.

Игорь усмехнулся.

– Да нет, Серега. Я повторюсь. Это ты пацан. Мальчишка. Смеешься? Ты как тот ребенок, которому чем больше игрушек, тем лучше. И края этому нет. Ты вот задумайся, не торопись спорить со мной. Вот у тебя с Татьяной сейчас есть планы? Чего бы вы хотели. Есть? И вы их через год, два достигните. Вы что, остановитесь? Нет. У вас за этот год новый план вырастет. Еще более грандиозный. И вы попрете к нему. И чем дальше, тем менее щепетильными вы будете в выборе способов достигнуть желаемого. Я ведь сейчас ничего нового не сказал. Это в любом учебнике политэкономии написано. Говоришь, что приземленно живешь? Вкалываешь? Ну и что? Не скучно?

– Разочарую тебя. Не скучно. Но опасно.

Сергей вылил остатки водки в стопку и выпил. На этот раз взялся за вилку и ближе подвинул тарелку.

– Я уже тебе не предлагаю. А насчет скучно. Знаешь что – скучно? Скучно с трезвым собеседником в ресторане сидеть. Ты, братан, такую галиматью несешь, что действительно скучно. Не, Игорек, ты только не обижайся, я дружески.

– А почему опасно? Ты ведь сказал, что опасно?

– А это неинтересная тема. Я для красного словца сказал. А вообще..., я, действительно, частенько за границей бываю. Я надеюсь, с тобой можно откровенно разговаривать? Не побежишь в органы стучать?

Игорь сделал шутливо возмущенное лицо.

– И с людьми я там общаюсь. И по работе, и просто, дружески. Так вот, то, что ты мне сейчас говорил, там бы восприняли, как чушь собачью. Понял? Люди открыто живут богато, понимаешь? Они не скрывают, что хотят иметь много денег, дома, машины.

– Я это и без твоего откровения знаю, Серега, к чему ты мне это говоришь?

– А к тому, что живут они при этом – интересно!

– Все?

– Практически все.

– Это они тебе говорили?

– Что?

– Что им это интересно.

– Я это сам вижу.

– Ты видишь то, что хочешь. И круг твоих знакомых не так широк, чтобы делать выводы. Ты меня никогда не убедишь, что непрерывно стремиться зарабатывать деньги, это интересное занятие.

– Деньги, вернее большие деньги, позволяют тебе быть максимально свободным. Естественно, это у них. У нас большие деньги иметь не позволено. Да. И эти деньги позволяют им жить интересно. Вот и вся политекономия.

– А ты действительно насквозь пропитался духом загнивающего капитализма, – Игорь искренне рассмеялся, – ты так убедительно пропагандируешь западный образ жизни, что почти убедил меня.

– Ты не мог бы не кричать? Как будто не пил, а орешь, как ненормальный.

Сергей скосил глаза на сидящих за соседними столами. Хотя народ вокруг самозабвенно выпивал и закусывал, и никто в сторону их столика даже не глядел.

– И когда ты со своим оркестром будешь публику ублажать?

– Да уже минут через сорок. Так что я, извини, откланяюсь.

– Сделай милость. А я, пожалуй, еще посижу. И тебя послушаю. Представляешь, я раньше и не замечал, что в «Арктике» оркестр играет.

– Ты, наверно, сюда в основном днем заглядывал?

– Да, ты прав. Некогда. Я ведь тебе говорил, что вкалывать надо. Чтобы фартовым быть. У меня, как ты знаешь двое взрослых детей. Дочку замуж надо будет отдавать, сыну подъемные организовать, чтобы с нуля, как отец не начинал. Вот тебе и планы. А ты говоришь. Кстати, а как твой парень?

– Тимофей?

– Ну да. Извини, я забыл, как его звать.

– Тимофей у меня молодец. Закончил мединститут и работает в деревне, под Москвой. Участковым врачом. Но пишет, что работает над какой-то темой. Защищаться собирается. Умница он у нас.

– Я так и не понял, а почему вы с Ниной своего ребенка не завели? Тимофей ведь её сын?

– Ну да. Её. Своего? – Игорь помолчал, оглянулся, его как будто позвали, – Нина не захотела. Ничего страшного, нам и Тимоши хватает. А там внуки пойдут, – рассмеялся.

Друзья еще минут пять поговорили и Игорь ушел в служебный вход, куда уходили официанты. Когда он с оркестром вышел на сцену, Сергея за столиком уже не было.

Глава шестая. Отцы и дети

Виктор с Натальей возвращались в Ленинград. До Ростова-на-Дону решили ехать автобусом. На подъезде к Ростову пошел мокрый снег и вскоре залепил окна автобуса так, что ничего видно не было. Только впереди у водителя со скрипом елозил по стеклу дворник, и в треугольнике лобового стекла черная колея дороги упиралась в белое марево неба. Когда вышли из автобуса, снег шел уже сплошной стеной, снегопад превратил город в белую с серыми пятнами панораму. Привокзальная площадь и ближайшие дома перечеркивали белые, колышущиеся полосы тяжело падающего непрерывными потоками снега. Ни снующие у входа в вокзал люди, ни отъезжающие и подъезжающие автомобили еще не растолкли, не испачкали снежного покрывала и город явился вышедшим из автобуса в белоснежной чистоте.

– Я здесь прожил почти пять лет, – Виктор стоял лицом к белой реке проспекта Энгельса, поднимающегося в город, – по этому проспекту я впервые вошел в Ростов. Вот отсюда, от вокзала и до мореходки пешком шел, расспрашивал встречных и шел. И дошел.

– А я здесь только проездом бывала, и с твоим Ростовом через аэропорт знакомилась, – Наташа шурилась от летящего в лицо снега.

– Где же наш встречающий? – Виктор аккуратно снял с Наташиных ресниц налипшие снежинки и огляделся по сторонам.

А Наташа уже улыбалась стоявшему у Виктора за спиной человеку.

– Здравствуйте, гости дорогие!

Их встретил сын дяди Лени Панасюка, с которым Виктор познакомился на похоронах отца. Отец, надо полагать, заранее составил список тех, кого мать должна была известить о его смерти. Он никогда не говорил, чтобы их приглашали на похороны, нет, он просил «известить». Виктор сам ходил на почту и отправлял телеграммы. С двух адресов пришли ответы с соболезнованием и извинениями, что адресат не может сам быть на похоронах. Другие адресаты вовсе не ответили. А из Ростова приехал старик с сыном. Приехали на новенькой «Волге» с водителем. Это был сослуживец отца, прошедший с ним всю войну. Виктор вспомнил, что отец с матерью не раз называли фамилию этого человека – Панасюк, или просто Лёня. Были письма от него, да и отец, не раз ездивший в Ростов, видимо, встречался со старым другом. Пережил друг отца и приехал проститься с ним. Полный, неповоротливый, с ногами тумбам, ходил он с трудом, опираясь на две палочки. Очки с толстыми линзами надел один раз, когда подошел к гробу друга. Остальное время смотрел в землю или, подняв глаза на голос, незряче, не мигая, смотрел над головой говорящего и, казалось, улыбался чему-то. С Виктором поздоровался и долго не выпускал его руку, держа своими двумя ладонями подушечками с плохо гнувшимися пальцами. В какой-то момент присели рядом.

– Виктор?

– Да.

– Витя, – помолчал, – знаешь, почему он тебя Виктором назвал?

– Нет.

– Трое нас было. В начале войны. Понял?

– Понял. А какой он был, третий?

Панасюк молчал, глядя в землю.

– Вот такие мы друзья были.

Выставил вперед ладонь с негнувшимися пальцами. Но торчащий вверх большой палец обозначил желаемый жест.

– Вот такие у меня фронтовые друзья были. Оба. А я-а, – махнул рукой, – ладно. Обязан я им. Обоим. И Витьке и Пашке. И не расспрашивай меня, – почему-то рассердился, – не расскажу.

Потом положил руку на колено Виктора.

– Просьба у меня. И я думаю, что Пашка меня бы поддержал. Наладьте с моим сыном Женькой хорошие отношения. Не обязательно дружить. Я знаю, что такое дружба. Её никому не навяжешь. А вот помогать друг другу – это дело нужное. С Женькой я уже об этом говорил. Очень я хочу, чтобы вы продолжили нашу... дружбу. Очень, – глаза старика влажно заблестели, – уважьте старика. Женя, подойди на минутку.

Женька подошел. Сын был такой же плотный, начинающий полнеть молодой мужчина, явно ровесник Виктора, с добродушным лицом и неожиданно крепким мужским рукопожатием.

Все это время он неотступно следовал за отцом, но никогда не поддерживал во время ходьбы. Даже когда отец замирал в неудобной позе. Сын просто шел рядом, останавливался рядом. Чувствовалась какая-то давняя договоренность между ними, позволявшая отцу сохранять видимость независимости. Пока они разговаривали, сын сидел в стороне, но чувствовалось, что в любую секунду он окажется рядом с отцом, по какому-то незаметному другим сигналу. Вот он и подошел. Познакомились сыновья бывших фронтовых друзей.

Потом Панасюк посидел у гроба друга, пригладил седую прядь покойнику, пробурчал что-то. Стуча палками, вышел во двор, постоял, поговорил с вдовой. Успокоил. Ты, говорит, Надя, если не успела чего Павлуше сказать, скажи мне, я скоро у него буду – передам. И улыбнулся, глядя в бледное зимнее небо бледными незрячими глазами. Еще сказал:

– Не горюй очень, радоваться надо, мы так много лет после войны прожили. А ведь, бывало, ждали её, смертишку, каждый день. Да, Надюша, чтобы не забыть, там Женя, сын на кухне корзинку оставил с продуктами, ты присмотри. На поминки это.

– Лёня, – мать заплакала, обняв Панасюка, – ну зачем ты? У нас все есть. Всего достаточно.

– Лишнего не бывает, там икорка, балычок, коньячок..., на помин души Паши, лишнего не бывает, – погладил мать по плечу, – а мы с Женей на поминки не останемся, уедем. Тяжело мне.

– Ох, Леня, трудно мне без него будет, – мать заглянула в незрячие глаза старого друга мужа.

– Знаю. Я ведь Сару семь месяцев и четыре дня, как похоронил. Знаю.

Помолчал, горько качая головой.

– Во-от. Сара с Пашкой вчера там встретились. Ох, спешить мне туда надо. Пригляд за ними нужен. Не доверяю я твоему красавцу.

– Лёнька! – мать горько улыбнулась, – ты все такой же.

На поминки Панасюки не остались. И на кладбище не поехали. Старик пожаловался, что плохо себя чувствует, они откланялись и уехали. Перед отъездом Виктор с Евгением договорились, что Морозы на обратном пути заедут в Ростов и оттуда уже улетят самолетом в Ленинград. Женя обещал им машину по Ростову и билеты на самолет без проблем. Он показался Виктору покладистым, добрым малым. На вопрос, где он работает, махнул рукой и, как показалось Виктору, смутился.

– Я все больше по партийной линии, – сказал, – партийный чиновник.

– В горкоме партии? – прямо спросил Виктор.

– Ага, – кивнул головой Женя, – в обкоме.

– А чем же ты там занимаешься? – Виктор постарался сделать максимально уважительное лицо.

– Мой сектор, это пресса, культура и все такое, одним словом – идеология.

– Ого! Ты, брат, крупная птица, я тебя, пожалуй, буду по имени отчеству называть.

– Прекрати, Витя. Ты вот меня братом назвал. Так, в чем дело? Давай побратаемся. Мне отец всего не рассказывал, но кое-что я понял. Твой отец – моего, практически от смерти спас. Как уж оно там было, мы видимо не узнаем, но война, сам понимаешь, – война. Мы когда сюда ехали, он слезу пустил, знаешь, все пытался мне что-то рассказать, но так и не решился. А потом говорит, что, мол, он Павла, отца твоего, не успел до конца отблагодарить, так вот я должен закрыть его долги. Какие долги? Давай с тобой контакты наладим, друг другу помогать будем по-братски. Я за честь сочту иметь, хоть и названного, брата капитана дальнего плавания. Ты ведь капитан?

– Да, есть немножко, – Виктор пожал плечами, – а что? Я не против. Уважим отцов. Думаю, кровью расписываться не будем, а так, по-мужски...

Они пожали друг другу руки, похлопали по плечам и договорились встретиться в Ростове.

– Так, друзья мои, машина вас ждет, накрытый стол вас ждет, а полетите вы в Ленинград послезавтра, билеты вам забронированы на самый удобный рейс.

Женя улыбался открыто и радостно, так, будто был уверен, что он говорит о том, о чём гости мечтали.

– А почему послезавтра? – почти в один голос удивились супруги Мороз, – мы планировали сегодня, в крайнем случае – завтра.

– Дорогие мои, у нас запланирована культурная программа, мы к ней готовились, и нарушать её нельзя. А потом, нам ведь надо поближе познакомиться, породниться.

Разговор шел уже по дороге к стоящей в стороне машине. Вещи приехавших подхватил подошедший с Женей водитель. Наташу посадили впереди, а мужчины устроились сзади. Женя не замолкал ни на минуту. Он сообщил, что они с женой очень бы хотели ближе познакомиться с Морозами, подружиться, породниться. А почему – нет? Жену Жени звать Маргарита, и она будет счастлива, принять гостей из Ленинграда. Квартира, слава Богу, большая, практически в центре города, с окнами в парк.

Наташа оглянулась с первого сиденья, и они с Виктором буквально устроили молчаливый диалог взглядами. Не готовы они были к такому предложению. Договорились. По взгляду Натальи Виктор понял, что она сомневается, но решение вопроса оставляет за ним.

– Вот это я понимаю! – Женя восхищенно наблюдал за этим молчаливым «диалогом», – и о чем, позвольте вас спросить, вы договорились?

– Поехали, – Виктор обреченно махнул рукой, – напор у тебя, Женя, кавалерийский.

– А как иначе! Дорогие мои, Витя, Наташа! Вы не пожалеете. Я, конечно, понимаю, – лицо Жени стало серьёзным, – мы и дядю Пашу помянем еще раз. Мой отец тоже ждет вас, рад вам будет. А жизнь, она что? Она продолжается!

Женя снова расцвел жизнерадостной улыбкой. И так до самого порога квартиры. Из-за густого мокрого снега Виктор не разобрался, куда они приехали, в какой район города. Понял только, что ехали не долго, и что находится дом практически в центре города. Да-а, Виктор про себя усмехнулся, Женя оказался серьёзной фигурой. Милиционер, видимо случайно оказавшийся за столиком в просторном подъезде, козырнул Евгению Леонидовичу.

Маргарита, жена Евгения Леонидовича, встретила их в большой прихожей, представилась:

– Маргарита Львовна, можно просто – Марго.

Невысокая, худенькая женщина в бордовом длинном платье, больше похожем на домашний халат со стеганым широким воротником, с внимательным взглядом зеленых глаз под прямой линией почти сросшихся густых бровей на холеном, красивом лице сдержанно улыбнулась и легким движением, почти не поднимая руки, указала в сторону.

– Гардероб у нас здесь.

За тяжелой шторой оказалась небольшая комната со шкафами и большое трюмо с зеркалом до потолка. Наташа послала Виктору выразительный взгляд, позволила Жене снять с себя пальто, переобулась в домашние тапочки, услужливо подставленные ей прямо под ноги, и задержалась у зеркала. У неё за спиной появилась хозяйка.

– Всем, что здесь стоит, можете пользоваться, – она указала на предметы туалета и флаконы, стоящие на полке трюмо, – и скажите, как мне вас звать.

– Маргарита Львовна, а может быть мы, как и мужчины перейдем на «ты»? Меня звать Наташа. А вас, если не возражаете, я буду звать – Марина. Хорошо?

Наталя так мило и искренне улыбнулась, что Марго после секундной задержки тоже улыбнулась и махнула рукой.

– Действительно, что это я? Хорошо. Приводите себя в порядок, не стесняйтесь. И приходите в гостиную. Не буду вам мешать. Виктор, вот в нише тапочки, они тебе подойдут.

И уже выходя:

– А Мариной меня в школе звали. А я уже и забывать стала.

В большой комнате, представленной как гостиная, стоял большой стол с расставленными вокруг стульями с высокими спинками. На диване в нише фонарного окна сидел отец Жени, старший Панасюк. Он при появлении Морозов приветственно поднял руку. Рядом с ним сидели две девочки. Разного возраста, но так похожие между собой и одновременно на отца, что понятно стало, что это дети Евгения и Маргариты. Старшую сестру можно было уже считать девушкой. На вид ей было лет шестнадцать, а очки делали её более взрослой и серьёзной по сравнению с сестрой. Младшая если и была моложе, то не на много. Сестры встали, поздоровались с вошедшими, приветливо улыбнулись и кивнули головами. И тут же сели на место. Дед Леня с места громко поинтересовался, как доехали. Показал за спину на окно и посоветовал на погоду.

– Я вот сегодня и на улицу не выходил. Снегопад, извольте видеть. Это вы северяне, вам не привыкать. А я, мало того, что на ногах еле стою, да еще и плохо вижу.

Внучки одновременно повернулись к деду, а младшая даже дернула его за рукав.

– Дед, а когда ты, вообще, последний раз выходил из квартиры? Вы как приехали, ты за дверь ещё ни разу нос не высунул.

– Татьяна! Постеснялась бы!

Мать сказала тихо, но так, сестры положили руки на колени и, продолжая улыбаться, замерли взглядами на гостях. Дед подслеповато поискал глазами Виктора и смущенно сказал:

– Все бы им подшутить над дедом.

Стол был уставлен блюдами с салатами, в центре тесной группой батарея разнообразных бутылок. Женя помог отцу подняться и подвинул ему стул. Видимо дома старший Панасюк не стеснялся помощи.

– Я рюмашку с сынами выпью и уйду.

А хозяйка рассаживала гостей. Подходила к стулу, клала руки на спинку и говорила, кто здесь будет сидеть. Она все говорила тихо.

– Горячее я сама подам, – мужу, – Валентину я отпустила.

Уловив взгляд Наташи, пояснила:

– Домработница. Я решила, что мы без неё свободнее себя будем чувствовать. И девочки мне помогут.

Девочки сморщили одинаково носы. Наконец все расселись. Женя предложил помянуть Павла Петровича. Не чокаясь, выпили по рюмке. Старший Панасюк вытащил платок и приложил к глазам. С трудом вылез из-за стола, сын помог ему встать и вывел из комнаты. Через пару минут Женя вернулся.

– Плачет. Слезливым стал, как дитя малое. Говорит, что последний он остался из всех, кого помнит. Не поймет, за что ему такая честь.

Сестры похихикали и ушли к себе. Выпили еще по одной. Марго пила наравне с мужчинами, во всяком случае, в начале. Наталья с первой рюмки только пригубливала. После второй рюмки наладился разговор. Расспрашивали друг о друге, постепенно у женщин сложился свой разговор, у мужчин свой. Виктор предложил покурить, и они с Евгением вышли на застекленную лоджию. Здесь стоял маленький столик и два плетеных кресла. Уселись, закурили.

Первый раз оказался в такой роскошной квартире, – Виктор с интересом оглядывался, – у тебя лоджия, по размерам, как моя спальня. А сколько в этой квартире комнат?

Четыре, – Женя пожал плечами, – а у тебя, что квартира хуже? Ты же капитан?

Капитан-директор.

Вот. Тебе что, ваше министерство не выделило соответствующую квартиру? – Женя не скрывал удивление.

В Мурманске, Женя, я думаю, вообще квартир такого уровня нет. И все капитаны, насколько я знаю, живут в обычных квартирах. У кого-то трехкомнатные, у кого-то и двушки. Все нормально. А я, кстати, не живу в Мурманске. Давно в Ленинград переехал.

Ну, хорошо. А как же ваше областное партийное руководство живет? Мурманск ведь областной центр?

Ну, я у них в квартирах не бывал. Сказать не могу. Но если бы в городе были квартиры такого уровня, мне кажется, я бы знал. Хотя...

Виктор подвинул к себе ближе стоящую на маленьком столике пепельницу, стряхнул пепел и, прищурившись, заглянул Жене в лицо.

– Скажи, а почему вы в таких исключительных условиях живете? Это ничего, что я такие вопросы задаю?

– Ты партийный?

– Коммунист. Иначе бы я капитаном не был.

– Да-да. Разумеется. Хочешь откровенный разговор? Ты не волнуйся, все между нами останется. Я в душе демократ, – широко улыбнулся, – ты же знаешь, у нас демократический централизм.

– Я, Женя, не волнуюсь. Я тебя боюсь вопросом в неловкое положение поставить. Так что ты на вопрос не отвечаешь? Почему у нас такая разница в возможностях? Я ведь почему так прямо спрашиваю? Мы с тобой договорились, да? Жить по братски. Как отцы наши на войне жили. Я бы у другого этого не спросил. Я не скрываю, что квартира твоя меня поразила.

– Чем, Витя?

– Роскошью. Ты мне поверь, я всякого повидал. Профессия у меня такая. Но вот такого я не ожидал увидеть.

С лица Жени ушла добродушная улыбка, он встал, приоткрыл форточку и выпустил в неё струю дыма. Постоял, глядя в окно, выбросил в форточку сигарету, сел в кресло, и они с Виктором некоторое время, молча, разглядывали друг друга.

– Не могу понять, – прервал молчание Женя, – почему это тебя так задело? Ты ведь незаурядный человек, должность, вон какая, – он поднял указательный палец, – капитан-директор! Надо полагать, денег – куры не клюют. За границей валюту получаешь. Так ведь? Жена – инженер. Да?

– Технолог. Руководитель отдела в институте.

– Вот. Все это должно было, просто автоматически, отбить у тебя даже намек на такую дурную человеческую черту, как зависть.

– Стоп, Женя. Вот чего в моем вопросе нет, так это зависти. Я вообще никому не завидую. Вообще! Никому! Я так интересно живу, что в дурном сне не могу себе представить, что можно

поменять эту мою жизнь на чей-то достаток. И давай больше не будем касаться личностей. И вопрос мой, уверен, что ты понял. Я ведь имел в виду не нас с тобой.

– Понял, и на вопрос твой отвечу. Отвечу, чтобы у нас тобой с первого дня недосказанностей не было. Так вот. Ты говоришь, что по свету походил, посмотрел, как там люди живут, какой у них достаток. Я тоже поездил по границам. И в капстранах пришлось побывать и в странах соцлагеря. Посмотрел. И выводы сделал. Свои, собственные. И не всегда, заметь, совпадающие с линией партии. Да-да. Не перебивай. Слушай дальше, раз спросил. Зачем революция делалась? Зачем партия власть в свои руки брала, и продолжает держать? И не собирается никому отдавать. Ради собственного удовольствия? Чтобы народ в нищете держать? Давай, капитан, я тебе полноценную лекцию прочитаю.

– Мужчины, вам без нас не скучно? – приоткрыла двери лоджии Марго.

– Закрой двери, солнце моё, мы здесь накурили. И еще курить будем. Займите сами себя. Покажи Наташе библиотеку.

Марго кивнула и ушла.

– Теперь ты меня уже не остановишь. Я просто обязан высказаться. Иначе..., я боюсь, что у нас уже не будет повода поговорить. Уж больно ты вопрос ребром поставил.

Виктор дернул плечом, криво улыбнулся и промолчал. Закурил, встал у форточки вполоборота к Жене.

– Я бы мог, конечно, сделать вывод, что ты за границей набрался тлетворного духа западного общества потребления. Нет. Я сам, Витя, после поездок туда задумываюсь. И очень меня долго сомнения мучают. А потом все становится на свои места. Да, все становится ясным и понятным. И никто, поверь, меня не переубеждает, никому я со своими сомнениями на фиг не нужен. Скажу тебе больше. Партия сегодня, я имею в виду руководящие её органы, как никогда, засорена разложившимися элементами, по-настоящему отравленными западными «ценностями». Да, братишка, и я являю собой, пожалуй, самое консервативное звено в её рядах. Несмотря на все свои сомнения. Потому, что я знаю куда идти. И нас таких достаточно, чтобы партия не свернула с правильного пути. Пока..., достаточно. Есть, конечно, и дремучие консерваторы, закоренелые догматы, но..., они скоро сами уйдут.

– Женя, я ведь не об этом тебя спросил. Сейчас, конечно, самое время послушать политинформацию...

– Не сказав того, о чем я говорю, я тебе вразумительно ответить не смогу. Слушай. Или ты может быть, еще по стопочке желаешь? Марго, – Женя крикнул в приоткрытую дверь, – Марго, организуй нам здесь фуршет.

– А что это ты сказал насчет того, что знаешь куда идти? А наше политбюро, там, в Кремле, знает эту дорогу?

– Только не иронизируй, Витя. Не надо. Человек такой суровой профессии, руководитель большого коллектива людей, казалось бы, да? Не к лицу тебе это, поверь мне.

– Да, понимаешь ли, не верится, что ты мне сейчас что-то новое откроешь. Ты, конечно, диалектический материализм лучше меня знаешь, но я ведь не о том спрашиваю. У меня непонимание текущего момента простое, приземленное.

– А если я тебе сейчас признаюсь в использовании служебного положения в корыстных целях, тебе легче станет? Ты в это сразу поверишь?

– Нет, не производишь ты, на первый взгляд..., потому и спрашиваю.

– Тогда слушай и не перебивай.

Дверь на лоджию приоткрылась, и обе женщины протиснулись с подносами.

– Витя, ты посмотри, каковы агрессоры. Они четыре рюмки принесли. И что вы этим хотите сказать?

– А что хотите, то и думайте, – тихо заявила Марго, – но в компании секретов нет. Наташа, пойдем за стульями, мужчины сами не догадаются.

Попытался встать Виктор, но Женя его буквально руками удержал.

– Не дергайся, Витя. Инициатива наказуема. Пусть присутствуют. Моя в курсе моих дел, да и Наташа, я вижу, умница. И красавица, – Женя погрозил Виктору пальцем, – везет вам, капитанам. Да. Так вот. Мы ведь о достатке людей говорили. Я действительно видел жизненный уровень людей за границей. И проникся. Но, вот давай без всякой пропаганды. Ни для кого не секрет, что сразу после революции наша страна находилась в, мягко говоря, недружественном окружении. Согласен? Нам со всех сторон войной грозили. И что бы сейчас о Сталине не говорили, но все его волюнтаристские, порой жестокие решения привели к тому, что к войне мы все-таки успели подготовиться. Не возражаешь?

Женщины уже вернулись на лоджию, но не уселись за столик, а стали у окна. Они молчали, и было заметно, что обе прислушиваются к разговору. За окном продолжался тихий снегопад, вечерний парк белыми шапками деревьев, желтыми пятнами фонарей завораживал, очаровывал. Виктор разлил по рюмкам, они с Женей чокнулись и, молча, выпили. Женщины сделали вид, что это их не касается.

– Потом по миру прокатилась война, – Женя продолжил, – и мы получили вторую после революции жесточайшую разруху. И теперь заметь, остальные государства, из которых не все были разрушены войной, начали коллективное восстановление. Поддержанное награбленным у всего мира добром. Продолжая эксплуатировать малоразвитые страны, он быстро восстановились после войны. А что же мы? А мы, поднимаясь сами, вынуждены были поднимать еще и свои заброшенные, практически неосвоенные пространства, поднимать из руин страны соцлагеря. Представляешь?

– А рыночная экономика, как ты думаешь, сыграла роль в их, я имею в виду западные страны, развитии?

– Вот оно что! Я тебя недооценил. Прошу внимания, – сделал театральный жест в сторону женщин, – перед нами живой рыночник. Носитель либеральных идей.

– Зачем ты так? Мне с капиталистами приходится иметь дело, что в этом удивительного?

– Ничего, Витя, все нормально. Но есть еще один важный вопрос в этом. А почему в некоторых капстранах, в таких, например, как скандинавские, социальные вопросы подняты на такой уровень, что нам впору признать их лидерство? Ты удивляешься, что это говорит партийный работник?

– Да-а, Женя, удивляюсь, не то слово. Я тобой восхищаюсь. Я тобой горжусь!

Марго, не поворачивая от окна головы, тихо похлопала в ладоши.

– Виктор Павлович, вы сейчас видите только верхушку айсберга, – она улыбнулась одними губами, – когда здесь собираются его коллеги по партии, да превышают норму, то такого наслушаешься, – покачала головой.

Присела за стол, налила себе и Наташе по пол рюмки и одна выпила. Взяла из вазочки дольку лимона и прикусила.

– Мара, не шокируй гостей. Я вижу, что Виктор к этому не готов. Так вот, давай закончим тему. Партия ставит своей целью улучшение благосостояния всего населения нашей страны, всего советского народа. Так ведь? Мы должны жить так же, как и они там, даже лучше. У нас для этого больше возможностей. И прав больше. Мы социалистическое государство, развивающееся по социальным законам, справедливым. Для всех!

Виктор молчал, наблюдал за захмелевшим оратором, только бровями играл. Марго жевала лимон и смотрела в темнеющее окно. Внимательно слушала Женю только Наташа. Она скрестила на груди руки, спиной прислонилась к подоконнику и смотрела по очереди на мужчин.

– Пора прекращать в нашей стране осуждать достаток! – начинал горячиться Женя, – пора поощрять хорошо работающих, умных, инициативных, да просто умеющих жить, – хлоп-

нул по столу ладонью, – поэтому, Витя, я буду жить так, как могу себе позволить. Должен же кто-то начинать? Люди должны видеть, что жить в нашей стране можно. И хорошо можно жить!

– А «начинать с себя» моральные принципы не мешают? – Виктор доброжелательно улыбнулся.

– Нет, братишка, не мешают. Я исхожу из того, что сколько людей, столько и взглядов на моральные принципы. Я вот, например, не понял, что ты подразумеваешь под моральными принципами.

– У вас все в обкоме так думают? – спросила Наташа.

– Конечно – нет, – Женя потянулся к бутылке, – у нас в обкоме старая гвардия. И их там, таких – легион.

– Может быть, хватит, Жека? – Марго успела перехватить бутылку, – расхорохорился.

– Да, правильно, хватит. А то уже моральные принципы рассматривать стали. Пошли, горяченького поедем?

Постепенно переместились за стол, женщины ушли на кухню и скоро на столе появился запеченный гусь и блюдо с жареной картошкой. Разговор продолжился за столом, но спокойный, доброжелательный. Чувствовалось, что общий язык был найден, все были друг другу симпатичны и интересны. Закуски, все, без исключения вкусные. Гости хвалили хозяйку, произносились тосты за её здоровье, за благополучие этого дома. Хозяева рассыпались в благодарности за визит таких замечательных, интересных гостей. Виктора просили рассказать о море, о рыбаках, о заполярье. Вечер удался. Спать легли поздно. Гостям выделили комнату, и Виктор с Наташей заснули, не успев, как следует, обменяться впечатлениями.

Проснулись поздно, завтракали долго, с разговорами. Жени дома не было, он рано уехал на работу, и гости были в полной власти Марго. Под её руководством была осуществлена та самая культурная программа, о которой при встрече говорил Женя. Днем они втроем гуляли по городу вблизи дома. Легкий мороз закрепил вчерашнюю красоту, из-за туч ненадолго выглядывало солнце, красиво серебрило пока еще чистые, заснеженные улицы. Не сговариваясь, пришли в парк Горького. После вчерашнего снегопада парк превратился в зимний лес со скамейками. На скамейках уже устроились старики, сверкали на прохожих очками, блаженно щурились на яркое солнце и далеко провожали взглядами молодых мам с саночками. Виктору захотелось пройти к своему мореходному училищу, от парка к нему было минут пятнадцать пешего перехода. Женщины его не поддержали, Марго сказала, что скоро обед, на который обещал приехать Женя и, погуляв еще часик по парку, они отправились домой.

Когда проходили открытую концертную площадку, Виктор увидел молодежь перебрасывающуюся снежками. И в памяти, будто это было вчера, ожили картинки такого же снежного дня, здесь, на этой же площадке. Их, курсантов, трое или четверо, Виктор среди них, они бросают снежки в двух девчонок, сидящих на скамейках для зрителей. Девчонки смеются, приседают, прячутся за спинки скамеек, не обижаются и отвечают морячкам, бросают в них снежки. Виктор даже глаза закрывает и видит все, как наяву. Одна из этих девчонок – Тамара. Через несколько дней он первый раз проводит её домой.

– Виктор, – Марго оглянулась, – не отставай.

Они с Наташей идут впереди, под руку, о чем-то оживленно разговаривают. Виктору это видно, потому, что разговаривают громко, даже перебивают друг друга.

– Сдается мне, вам и без меня не скучно.

Ему очень не хочется уходить из парка. Он уже давно заметил за собой способность на малейшей ассоциации легко возвращаться в прошлое и чувствовать себя в нем реально, до звуков, казалось забытых голосов, до запахов. Ощущение это приносило иногда горечь, связанную, видимо, с раскаянием, о чем-то необдуманно совершенном, а иной раз просто щемящую грусть о светлых беззаботных днях. Но сейчас он вдруг осознал, что детство и юность уносились за бескрайний горизонт окончательно и невозвратно. Видимо уход отца стал последней

разорванной нитью, соединявшей его с тем временем. Здесь, на аллеях Ростовского парка Виктору пришла мысль, что ему теперь все труднее будет общаться с прошлым. Да и надобности заглядывать туда становится для него все меньше. Затянувшаяся стоянка позволила ему по-новому увидеть жизнь на берегу, от которой он за прошедшие годы отвык. Жизнь оказалась многоцветной, заполненной событиями, интересными людьми и совсем не такой, какой представлялась она собеседникам на мостике в долгие месяцы промысла.

Продолжением культурной программы было посещение театра. В Ростове, неожиданно для зимнего сезона гастролировал Новосибирский оперный театр. Давали «Травиату». Виктор с Натальей первый раз смотрели оперу и были уверены, что им не понравится. Все оказалось иначе. Оба были в тихом восторге и от красного бархата кресел, от музыки, от игры артистов. Действие захватило их буквально с первых арий, а музыка не покидала даже после того, как закончился спектакль, как вышли они на морозный воздух, и до самого дома Панасюков. За поздним ужином разговоры были только о театре. Марго сыпала музыкальными терминами, объясняла Морозам, как справился с партиями тенор, сопрано, меццо-сопрано, что бас «Маркиза д'Обиньи» оказался слабоват, и что, видимо, им пришлось смотреть второй состав, с чем и связаны зимние гастроли. Наталья же была в полном восторге от вечера, благодарила хозяев, и поставила Виктору условие, что они теперь станут в Ленинграде завсегдатаями театра.

На следующий день Виктор с Натальей улетели в Ленинград. Женя попрощался с ними утром и уехал на работу, а Марго провожала их до самолета. В нужное время пришла машина и улетающих увезли в аэропорт. Прощались тепло, по-родственному. В самолете Наташа, положив голову на плечо Виктору, сказала:

– Вить, я не знаю, будут ли они нам, как родня, но друзей мы, мне кажется, приобрели.

– Посмотрим, – помолчав, ответил Виктор, – они мне тоже понравились. Я только не понял, а куда делись дядя Ленья и девочки? Я их видел только один раз. В день приезда.

– А мне Марго сказала, что у них на площадке еще одна квартира, рядом. И эти квартиры дверью соединены. Там живут дедушка и внушки.

– Да-а! – Виктор покачал головой.

– Да, мой капитан. Вот как надо жить!

Глава седьмая. Сын

Виктор прилетел в Пулково рейсом из Мурманска. Никаких вещей, кроме дипломата у него с собой не было, и он сразу направился к стоянке такси. Не спеша, задумавшись, он шел через здание аэропорта к центральному выходу. Не сказать, что мысли были невеселыми, но события последних двух дней заставляли его тщательно все обдумать. Очень тщательно. Можно сказать, что судьба в очередной раз подводила его к черте, за которой жизнь менялась настолько, что ближайшая перспектива, касавшаяся даже не лет или месяцев, а дней, была не ясна и размыта.

По возвращению из отпуска, уже на следующий день он улетел в Мурманск. Вечером, из Ленинграда он позвонил на домашний телефон инспектору по кадрам, работающему с капитанами, поинтересовался, как обстоят дела с его новым пароходом. И не услышал ничего определенного. Инспектор юлил, уходил от прямых ответов и, наконец, посоветовал, не откладывая, явиться в Мурманск пред ясны очи начальства.

И тревога, поселившаяся в душе у Виктора после этого телефонного разговора, уже не ослабевала, а только меняла форму по мере развития событий. С каждым разом, как открывались новые обстоятельства, она не уходила и не затихала, только накапливалась, создавая у него впечатление, что еще что-то должно произойти, что еще не все ему открылось. Вот так. Что-то, как ему казалось, начнет в жизни меняться. Бывают в жизни такие предчувствия. Изменений он не боялся, он хотел ясности. Потом уже он узнает, что его судовым врач, замечательный человек, хороший специалист, с которым он ходил не один рейс, и который был предан ему, доложил начальству, что его беспокоит сердце Виктора Павловича. По некоторым, наблюдаемым им симптомам, он, врач, предполагает у капитана Виктора Павловича Мороз стенокардию. И просил бы руководство послать своего капитана перед рейсом на тщательную медкомиссию. И как только Виктор явился в порт, его послали. Первая же кардиограмма была расшифрована специалистом со странным, никогда ранее не слышанным Виктором, диагнозом. У него «полная блокада левой ножки пучка Гиса». О как! И что? Что это значит? Задал естественный вопрос Виктор, сидя в кабинете кардиолога портовой поликлиники.

– Понятия не имею, – тихо и спокойно сказал врач, перебирая бумажки на столе.

Виктор повеселел. Было бы что плохое, врач бы с ним так легкомысленно не разговаривал.

– Хорошенькое дело. Представляешь? – врач был ему ровесником, – ты бы меня спросил что-нибудь по промысловству, и я бы ответил «понятия не имею». Не смешно?

– Неудачное сравнение, – заглянул в бумажки, – Виктор Павлович. Я вам так сказал, как раз, основываясь на том, что мне картина ясна ровно на столько, насколько позволяет данное, – хлопнул по столу тыльной стороной ладони, – обследование. А «блокада», в данном случае, не позволяет увидеть полную картину работы вашего сердца. Ясно? Сама по себе эта блокада может с вами прожить долгую и интересную жизнь. Не смешно? – передразнил он Виктора, – а может скрывать скрытый порок сердца, – сказал опять тихо, себе под нос, пристукнув ребром пачки бумаг об стол.

Помолчали. Врач начал что-то писать в карточке Виктора, а Виктор, отвернувшись к окну, стал рассматривать ползущие над заливом тяжелые синие тучи. «Снег пойдет, – подумалось не к месту, – а в море они меня не пустят».

– Странные вы люди – врачи. Вы ведь своей профессией допущены к самому сокровенному человека, к здоровью. Да? А деликатности, уважения к своему пациенту – человеку, у вас нет. И то, что перед тобой сидит моряк, капитан, для тебя никакого значения не имеет. А для меня это вся моя жизнь. Неужели трудно понять? Ты же среди нас, моряков уже не первый год,

я думаю. Так ведь? Ну потрудись, разложи передо мной свои карты и поясни мне все, что меня интересует. Все. Понимаешь? Я ведь от тебя просто так не уйду. Что ты щеки надуваешь?

– Виктор Павлович! Успокойтесь. Сейчас допишу и все объясню.

Замолчали. Виктор встал и пошел к окну. Чего он вскипел? Сейчас этот чудака допишет свои бумажки, и Виктор уйдет и никогда больше с ним не встретится. А через недельку другую он уйдет в море. И чайки важно рассядутся на планшире, и загудит траловая лебедка, и помчатся в слип ваера спускаемого трала. С промысловой палубы пахнет густым букетом привычных запахов живой, трепещущей рыбы, водорослей. А щеки кольнёт подвижный морозный туман, лежащий вдоль всей кромки полей пакового льда, от берегов Шпицбергена до Карского моря.

– Вы знаете, Виктор Павлович, – чайки резко снялись с планширя и, лениво спружинив крыльями, нырнули в густеющий туман, – я пока писал, понял, что ничего я вам говорить не буду. У нас, врачей, есть одно правило – не навреди. Знаете? Вот..., слышали, хорошо. Так вот. Фантазировать и придумывать я для вас ничего не стану. Чтобы словом не навредить ненароком. Уж коль скоро я не могу вам поставит окончательный диагноз, то самое ценное, что я могу для вас сделать, это порекомендовать вам найти очень хорошего специалиста кардиолога и пройти полный курс обследования. В моем распоряжении такого оборудования нет. Уверен, что для вас это не составит большого труда. Вы меня понимаете? Согласитесь, мне не совсем комфортно расписываться в несостоятельности. Поэтому не заставляйте меня это удовольствие растягивать.

Растягивать не стали, и Виктор ушел. В управлении горестно качали головами, негодовали на медицину, но быстро сошлись на одном мнении. Сейчас в море Виктору Павловичу уходить нельзя. Надо разобраться со здоровьем и только тогда будет решение о дальнейшей работе. Хороший пароход для такого капитана всегда найдется. Предложили лечь в центральную городскую больницу, предложили взять путевку в хороший санаторий. Но Виктор решил лететь в Ленинград и там обратиться к специалистам и пройти обследование. У Наташи были знакомые среди медицинских работников. Собственно это и было её решением. Стоило ему в телефонном разговоре сказать, что с ним происходит, и она, ни минуты не думая, заявила: «немедленно лети в Ленинград». И вот он в Ленинграде, в Пулково, идет на выход из здания аэропорта к стоянке такси. Наташа не смогла приехать встретить его, работа не позволила.

Как будто окликнул его кто-то. Слева. Виктор поднял голову и, еще не повернувшись до конца, вдруг понял, кого сейчас увидит. Уже боковым зрением, без каких либо сомнений и возможных ошибок, он увидел Варю. Она шла в нескольких метрах от него в сторону той же двери, что и он, смотрела вперед и, конечно, не могла его окликнуть. Потому, что разговаривала с идущим рядом человеком, который шел по другую сторону и не был виден Виктору. Варя закрывала его собой и вдруг замедлила шаг. Её попутчик вышел вперед, и у Виктора что-то шевельнулось в груди, под горлом. На несколько секунд стало трудно дышать. Он остановился. Рядом с Варей шел он сам, только очень молодой, такой, каким он еще в училище поступал. Даже прическа была его.

Остановилась и Варя. Стояла спиной к Виктору, потом медленно повернулась. Уже поворачиваясь, Варя улыбалась, как будто тоже знала, к кому поворачивается, как будто готова была к этому. Глаза встретились. Сколько они так стояли, Виктор сказать не смог бы. Молодого спутника Вари, по-видимому, поразило то же, что испытал Виктор. Он ведь не мог не увидеть поразительного сходства. И глянув на Виктора, уже не отрываясь, тревожно смотрел на него. Как тяжело дались Виктору эти несколько шагов. Остановился, не дойдя двух трех шагов. Не знал, что говорить, не хотел ничего говорить и вообще не понимал, что происходит. Мелькнула вдруг странная мысль: «наконец то!». Как же все это неожиданно! Не готов он к этому! Опять больно шевельнулось под горлом. Но боль сразу ушла, а тяжесть в груди осталась. Варина рука взяла его за левое запястье. Какие-то мгновения Виктор не видел ничего

кроме её глаз. Тяжесть в груди уходила, появилась приятная легкость и, как будто, остановилось время. Очнулся на пластиковом стуле, что рядами стоят у стены. Напротив Варя стоит, и рядом с Варей ..., голос внутри подсказывает: «ну говори же, говори, ты же понимаешь, кто это». Варя пристально смотрит ему в глаза, юноша хмуро, тревожно молчит. Виктор встал.

– Ты напугал нас. Давно это у тебя?

Она абсолютно не изменилась. И голос и глаза. Да. Вот, только одета ..., и шляпка..., какая же она все-таки красивая!

– Здравствуй, Варя.

– Здравствуй, Витя, как я рада тебя видеть. Какой же ты солидный стал! Красавец! – улыбнулась, – ну, что? Знакомьтесь? Можете подать друг другу руки. Виктор Павлович Мороз, – взяла под руку юношу, – а это Герман Викторович Берг. Гера, ты извини меня. Я тебя не предупредила.

– Ничего, мама, не волнуйся, со мной все в порядке.

Отец с сыном держали в пожатии руки и, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза.

– Так вот ты какой. Герман.

– Я твой сын?

– Да.

Перед тем, как это сказать Виктор глянул на Варю. Варя, прищурившись, и чуть улыбаясь, смотрела мимо Виктора. И когда он сказал «да», ему показалось, что она, как будто, вздохнула.

– Вы оба меня извините, но не познакомить вас вот так, неожиданно, я не могла. Вы ведь, милые мои, увидели друг друга. А от взгляда на вас все тайны в прах рассыпаются. Ну, отпустите друг друга. Витя, что ты молчишь? Скажи что-нибудь. Что с сердцем? У тебя ведь с ним проблемы, – сказала утвердительно.

– Да. Вот, приехал показаться кардиологу. В рейс не пустили.

«Боже мой! Ну что я ерунду говорю? Кому это интересно? Рейс..., пустили..., не пустили...».

– Как ты себя сейчас чувствуешь? Ты домой доедешь? Дело в том, что нам надо идти. Нас ждут. Дай мне еще раз руку.

– Все в норме. Не беспокойтесь, – говорил, а сам не сводил взгляда с сына.

– Доедешь, – отпустила руку.

– Мам, а давай я ..., – смущенно кивнул на Виктора, – провожу... отца.

Варю это решение несколько не смутило. Она достала из сумочки белую картонку и протянула Виктору.

– Я очень прошу тебя, позвони мне сегодня же, вечером. Я направлю тебя к кардиологу. Гера, чемодан к машине, а потом поступай, как считаешь нужным. Вы на такси поедете? – глянула на Виктора.

– Э! А что это вы за меня все решаете?

– Ты не хочешь, чтобы я с тобой проехал? – вдруг надтреснутым детским голосом спросил Герман.

– Не-ет, почему? Я не против, – Виктор тряхнул головой, – что вообще происходит? Так, давай сюда чемодан, – взял у Германа ручку чемодана на колесиках, – где машина? Пошли.

– Пошли, – обрадовался Герман.

– Капитан! – многозначительно, глядя на сына, сказала Варя.

Подшли к серебристой иномарке. Открывающий багажник машины мужчина еще изда- лека демонстративно радостно поприветствовал Варю с сыном, вежливо кивнул Виктору и поинтересовался, как прошел полет, какая погода на трассе. Говорил на английском. Виктор заглянул на номер машины. Дипломат, и судя по цифрам – высокого уровня. Ай да Варя! Что бы это значило? Через стекло отъезжающей машины Варя улыбнулась, зажмурившись, так знакомо, будто они вчера расстались.

Такси взяли быстро. Виктор с Германом сели на заднее сиденье. Молча ехали до Пулковского парка, изредка поглядывали друг на друга. Герман, если встречались взглядами, не отворачивался. В какой-то момент спросил:

- Ты как себя чувствуешь?
- Нормально, не беспокойся.
- Ты извини, я тебе напомню. Ма дала тебе визитку, позвони ей вечером.
- Хорошо. Обязательно.

Виктор достал из кармана белую картонку с золотым тиснением. С двух сторон было написано на русском и на английском: «Натали Берг. Генеральное консульство США. Ленинград. СССР». И телефоны.

- Это чья визитка? – удивился Виктор.
- Мамы, – тоже удивился Герман.
- Но здесь написано – Натали?
- А-а. Так это её второе имя. Я знаю, её еще зовут Варвара. Так? Варя. Вар-ва-ра. Так?
- Так, – Виктор молча ждал, что еще скажет сын. Не хотелось расспрашивать.
- Это они с Майклом решили, что в американском паспорте она будет Натали. А ты не знал?

- Не знал. А кто такой Майкл?

Повисла пауза. Герман долго посмотрел в глаза Виктору, потом отвернулся в окно. Ехали уже по Московскому проспекту. На светофоре остановились среди забрызганных грязным снегом машин. За окнами такси из тяжелых низких туч прямыми, как дождь струями падал мокрый снег.

- Майкл – это муж мамы. Он работает в Американском консульстве.

Виктор молчал и Герман продолжил:

– Имя Натали они с Майклом выбрали, когда ма получала американское гражданство. Это она мне рассказывала. А новое имя она взяла, потому, что её имя Варвара в английском языке отсутствует, или произносится с изменениями. Ма это не нравилось. Это некрасиво, когда имя искажают. Правильно я сказал? Ты понял?

- Правильно, – Виктор ответил, потому что видел, что Герман ждет ответа.
- А давно она получила американское гражданство?

Теперь Герман замолчал и отвернулся в окно. Виктор тронул его за рукав.

- Если не хочешь, не отвечай.
- Мне кажется, отец, что у тебя еще будет возможность задать многие вопросы Натали. Ты так не думаешь?

- А почему ты назвал мать Натали?

– А что в этом удивительного? Я часто называю её так. Когда мы одни. И мне кажется, что ей это нравится.

Герман опять заглянул отцу в глаза.

- Я бы и тебя называл Виктором. Мне это было бы удобнее. Ведь я еще не привык к тебе.

Виктор не ответил. Герман нахмурился, взял из его рук мичманку, которую тот держал на коленях и принялся рассматривать «краб». Первым не выдержал молчание.

- Почему ты молчишь? Я тебя чем-то обидел?
- Чем ты меня можешь обидеть? – пожал плечами Виктор, – ты мне скажи, ты знал обо мне?

– Конечно. Когда я был маленьким, мне никто, ничего не говорил. А потом ма начала о тебе рассказывать. Я знаю, что ты работаешь на больших э-э... fishing vessel, как сказать? Рыбные суда?

- Да. Рыболовные суда. Траулеры.
- Большим капитаном? Кэптеном?

- Капитаном-директором. Ты хорошо знаешь английский?
- К сожалению, лучше русского. Я ведь русский?
- Русский, – вздохнул Виктор, – так, значит, ты обо мне знал?
- Конечно. А ты разве не знал обо мне? Ты никогда обо мне не думал?

Виктор вдруг почувствовал, как горит у него лицо. Он сейчас соврет. Вот к этому он не был готов. А что делать?

– Думал, сына, думал. Только у меня к тебе просьба. Давай пока об этом больше не говорить. Хорошо?

Теперь пожал плечами Гера.

– Хорошо. Не будем. Я понимаю.

Виктор неожиданно для себя обнял сына. Тот не отодвинулся, но опустил голову.

– Как ты меня назвал? Сына? По русски – сын.

– Так меня отец называл, когда я был маленьким, младше тебя. Да и старше..., тоже иногда так называл. Я говорю о твоём дед. Понимаешь?

– Конечно. Здорово! Мне это нравится. Мой дед жив?

– Твой дед умер. На днях будет два месяца, как его нет.

– Это очень грустно.

– Мне больно. У меня был очень хороший отец.

Молчали пока ехали по Невскому проспекту. Молчали когда проехали Московский вокзал. Виктор украдкой рассматривал сына. Герман держал в руках фуражку отца. Глядя перед собой, спросил:

– Мы скоро приедем?

– Мы уже приехали. Вот, мост проедем, и через пару минут я дома. Я прямо на проспекте живу. Это Заневский проспект. Знаешь?

– Нет. Я в этом районе не был. Ты пожалуйста не приглашай меня к себе домой. Я не готов. Я на этой машине и вернусь. Хорошо? Это хорошо, что мы с тобой поговорили. Да?

– Да. Хорошо. Я тоже не готов тебя к себе сейчас пригласить.

– Я думаю, что я понимаю. Ты ведь женат?

– Да.

– Как звать твою жену? Это плохо, что я спросил?

– А что в этом плохого? Мою жену звать Наталья.

У Германа взлетели брови.

– Натали? Мама знала?

– А вот этого я уже не знаю. Я не знаю всех способностей твоей мамы.

– Что ты имеешь в виду?

Видно было, что Герман искренне не понимает, о чем сказал Виктор. Поэтому Виктор мягко забрал у него мичманку и похлопал по руке.

– Ничего я не имел в виду. Шутка такая.

– Шутка? Ты с мамой будешь встречаться?

– А почему ты так настойчиво об этом у меня спрашиваешь? Кстати, ты мне можешь сказать, вы здесь, в Ленинграде, надолго? И давно вы здесь живете?

– Я не слышал ни от Натали, ни от Майкла о том, что мы собираемся уезжать, – пожал плечами, – а живем..., пожалуй, уже два года.

Виктор впервые за всю встречу улыбнулся.

– Надо же. Два года в одном городе. Хотя..., я за эти два года здесь, в Ленинграде и месяца не прожил. Так что..., – надел фуражку, – ну, вот мы и приехали.

Похлопал по плечу водителя и протянул ему деньги.

– Здесь и на обратную дорогу, отвезете молодого человека, куда скажет.

– У меня есть деньги, – запротестовал Герман.

– Я рад за тебя.

Виктор вышел из машины и наклонился к Герману, придержал его за плечо, когда тот попытался выйти из машины тоже.

– До свиданья, сына. До встречи. Надеюсь, еще увидимся.

– Я тоже очень надеюсь. С мамой встретишься?

– Да встречусь, встречусь. Не волнуйся. Давайте, езжайте, – похлопал по крыше кузова.

Водитель газанул, и мокрый снег из-под колес обрызгал Виктору брюки. Брюки он отряхнул, постоял, посмотрел вслед уезжавшему такси и пошел под знакомую арку дома. Только сейчас вспомнил, что в аэропорту у него болело сердце. Прислушался – все в порядке, дышалось легко.

Дома никого не оказалось. Наташа, видимо, была еще на работе, дочка могла быть в школе, могла быть у подруги, да мало ли где она могла быть. Она могла и не знать о том, что должен приехать отец. Виктор переоделся в домашнее, поставил чайник и сел в кресло напротив телевизора. Но так и не включил. Сидел и пытался вспомнить и обдумать все, что произошло сегодня утром, в аэропорту. Конечно, его потрясла эта неожиданная встреча с Варей. Но ведь он всегда знал, был уверен, что рано или поздно, но они встретятся. А последнее время как будто что-то накапливалось. Во всем, буквально во всем. И вот черед; смерть отца, проблемы с сердцем, и результатом – он не ушел в море. И прилетел сюда, в Ленинград. И в аэропорту они встретились. Теперь все пойдет по-другому. Изменения неизбежны. Они не в появлении в его жизни вновь Вари. Герман. Сын. Вот, что произошло. В его жизни появился сын. Сколько ему сейчас? Пятнадцать? Но он выглядит старше. А глаза! Это глаза делают его старше. И как он похож на меня! Эх! Увидел бы его отец! Надо будет сфотографировать Германа и послать матери. Он вдруг удивился новому чувству – он гордится сыном. А еще несколько часов назад он о сыне и думать не мог. У него не-бы-ло сына! И память вдруг восстановила разговор с Варей по телефону. Как давно это было! Она, кажется, тогда сказала, что уедет из Мурманска далеко и надолго. И что у неё родится сын. И ещё. Ещё раньше, кажется, когда она встретила его из рейса. Он тогда, видимо, спросил у неё, мол, что, я теперь отец? А она ответила: «нет, ты пока не отец, ты им станешь тогда, когда сам этого захочешь». Ну, вот. Вот он все и вспомнил. И что? Захотел? Ну, признавайся сам себе. Честно признавайся. Вдруг подумал, совершенно спокойно подумал, что он уже не представляет себе жизни без сына. Он уже держал его за руку, он обнимал его, разговаривал с ним. И они удивительно быстро и легко понимали друг друга. Вот и начался новый отсчет в моей жизни, четко прошла мысль. А ведь он вырос без меня. И что теперь? Мучиться всю жизнь совестью? Нет, брат, надо наверстывать. Я же заметил, он тянется ко мне, я ему нужен. Итак..., отныне у меня жена и двое детей. И не имеет значения, что Гера – сын Вари. Ну и что? Прошел к старому, взятому с первого его парохода проигрывателю, поставил спутницу во многих рейсах, уже потрескивающую пластинку «Патетическую сонату» Бетховена. Вернулся в кресло. Мысли потекли спокойно, легко, будто отчего-то он освободился. Вот! Вот почему мне надо с Варей встретиться. Как вздох облегчения. Потом он будет разбираться, чего в этом было больше: желание обсудить с ней дальнейшие его отношения с Германом, или просто вновь увидеть её.

Встал, принес визитку, подвинул к креслу тумбочку с телефоном. И задумался. Щелкнул замок, хлопнула дверь и по прихожей застучали каблучки Наташиных сапог. Её шаги он не узнавал, он их чувствовал. Она вошла в комнату в расстегнутом пальто и в сапогах. Постояли обнявшись. Она прижала ухо к его груди.

– Витя, родненький, что там у тебя случилось? Ты же у меня такой здоровый, такой сильный. Господи! Или я сглазила?

Виктор поцеловал её в макушку. Она подняла на него глаза полные, как осенние лужи слез.

– Я уже договорила. Тебя послезавтра примет кардиолог, муж моей сотрудницы. Он очень авторитетный в своих кругах. А если сочтет нужным, он направит тебя в Пироговку с рекомендациями. Витька, я думаю, что все будет хорошо. Ты мне только расскажи, откуда все это взялось, когда это случилось? Что ты почувствовал?

– Подруга, без паники. Ничего, от чего бы можно было паниковать, не произошло. Я все тебе постепенно расскажу. Утаивать ничего не собираюсь. Меня в этой истории не устраивает только то, что я в море не смог выйти.

Наталья ушла на кухню и загремела посудой, Виктор вернулся в кресло. Через несколько минут он подозвал заглянувшую в дверь Наталью.

– Присядь.

Наталья присела на спинку кресла, взъерошила Виктору волосы.

– Говори. Вижу, что-то сказать хочешь.

– Я час назад разговаривал с сыном.

– С чьим сыном? – у Натальи опустились руки и она замерла взглядом на Викторе.

– С моим сыном. И с его матерью.

Смотрели друг на друга и молчали. Наталья вся будто закаменела. Потом, молча поднялась, прошла и села на стул напротив мужа. Сняла кухонный фартук, аккуратно сложила его на коленях, прищурившись, отвернулась к окну и заговорила о неожиданном.

– Я вот живу с тобой уже почти пятнадцать лет и с первых лет думаю об одном и том же. И удивляюсь. Как ты можешь в море работать? В тяжелых условиях, в постоянной, мне так кажется, стрессовой ситуации. Тем более на командных должностях. Это же ответственность какая, а? Пароход государственный тебе доверен, экипаж – сто человек, план, сроки, да мало ли чего я еще не понимаю, да? А ты же человек совсем другого склада, не подходящего для таких ответственных дел. Ты настолько эмоциональный человек, что я просто диву даюсь. Как ты с этим справляешься? Откуда у тебя хладнокровие берется? Как ты с людьми общаешься? Как твои нервы выдерживают? Ты же рожден был творческим человеком. Ну, я не знаю – музыкантом, поэтом..., художником, может быть. Ты случайно не рисуешь? Может я просмотрела? Ты вот, – она кивнула на проигрыватель, – без музыки дня не проживешь. Небось и на мостике у тебя музыка? Под произведения какого композитора лучше рыбка ловится, не скажешь?

– Наталь, что с тобой? Ты о чем?

– Я? Я о твоей тонкой натуре. Вот я о чем.

– Причем здесь моя тонкая натура?

– Притом. Ты думаешь, что я забыла, что ты мне в стог сена, когда женихался, сказал? Напомнить? Ты сказал, что у женщины твоей, что в Мурманске у тебя была, ребенок будет. Ты, возможно, забыл. Возможно. А вот я не забыла. Я об этом все эти годы помнила. Можно сказать, каждый день ждала, что объявится сын твой или дочка и скажет «папа, а вот и я». Ты знаешь, я не женщины той боюсь. Я сильнее любой твоей женщины. И тебя я знаю. Мне так кажется. Нам с тобой обоим никто другой не нужен, – помолчала несколько секунд, – я об этом твоем ребенке беспокоилась. Ты не представляешь, сколько разных вариантов встречи с ним я продумала. Ты не представляешь. И хороших и плохих. Ты женщину не поймешь. Сын, говоришь?

– Сын.

– Я тебе сколько раз говорила, что еще одного ребенка хочу – сына? Было? Вот. И в какой-то момент, когда поняла, что уже не стоит о втором ребенке думать, пришла в голову мысль – а ведь у Вити есть второй ребенок. Он же где-то есть? Вот пусть забирает и будет у нас двое. Представляешь? Смешно?

– Какая же ты у меня фантазерка, Наташка!

– Пусть. Пусть я фантазерка, но я все таки трезво к этому готовилась. Понимаешь? А ты не был готов. Сердце только твое к этому готовилось. И заболело заранее. Понимаешь ты

это? И сейчас удара ты неожиданного не выдержал. Тонкая ты моя натура. Сидишь, как туча. Сомнения мучают?

– С чего ты взяла?

– Да что, ты думаешь, я не вижу? Хочешь, я скажу тебе, что у тебя в голове сейчас происходит? Тебе и с сыном захотелось общаться, и не знаешь, как это делать. С Ленкой ведь проще было отцом быть. Мама её растила, а ты присутствовал. Не кривись. А с этим сыном стандарт поведения и отношений ломается. И все. Ты растерялся. И с матерью его, с твоей бывшей любовницей, ты не знаешь как себя вести. Так ведь? Не знаешь? И как я себя поведу – ты не знаешь. И переживаешь. Я же вижу. И хоть это меня радует.

– Наташа, ты жестокая. Не ожидал.

– Да брось ты, Витка. Я же любя. Ну кто тебе сейчас поможет, как не я. Что хочешь – спрашивай, самую болезненную тему затрагивай – помогу. Зажмурюсь от боли и помогу. Во мне сейчас моя мать просыпается. Она боец была. Она за себя умела бороться. И за детей.

– Да. Я помню.

– Ты маленький эпизод только помнишь. А передо мной большая часть её жизни прошла. Отец не был ангелом. Он же тоже в войну моряком был, и после войны некоторое время. Намучилась она с ним.

– Параллелей не надо проводить.

– Конечно, ты ангел.

– Наташа, сейчас Аленка придет. Я скажу ей о брате?

– Скажи, – пожала плечами, – только в моем присутствии. Хорошо? Чтобы я могла в случае чего вас на землю опустить. А то вы сейчас друг друга эмоциями оглушите.

Вскоре пришла дочка. С порога завизжала, как маленькая.

– Па-апа! Ты вернулся? Надолго? Мы с тобой должны пойти в Русский музей.

– Вот так прямо с порога? – Наталья выглянула из кухни, – может быть, присядешь на дорожку?

– Пап, серьёзно, мне очень надо. Там картина Поленова «Христос и грешница», и мне надо по этой теме сочинение писать. И на следующей неделе уже сдать надо.

– А-а, это «Кто без греха»?

– Видишь, Ленка, я тебе говорила, что туда лучше с отцом идти. Он тебе и сочинение напишет.

– Да, мамуля, ты как знала, что папа приедет. Здорово! Да, пап? А почему ты сказал «кто без греха»?

– Это её второе название. Картины. Ты её сюжет знаешь?

– Лена! – крикнула мать из кухни, – разувайся и раздевайся. Не бегай в ботинках по квартире.

– Знаю, – вернувшись в прихожую, заявила оттуда Лена, – к Христу привели грешницу, ну... девушку одну. Чтобы он её осудил. И Христос все справедливо рассудил. Так, папа?

Дочка вбежала в комнату, и они с отцом обнялись. Виктор поцеловал её в макушку.

– А саму картину, иллюстрацию ты видела?

– Да. Черно белую фотографию нам показали. Но там ничего не разберешь. Я даже не поняла, кто там Христос.

– Наталья, – Виктор, обняв за плечи дочку, повел её на кухню к матери, – а тебя не удивляет, вообще, что им такую тему задали? У них что, воскресная школа открылась?

– Витя, ты от жизни отстаёшь, сейчас времена такие. Переосмысление происходит. И истории, и вот – религии коснулись. А может быть, они просто этого художника изучают. Так, Лена? Какого вы художника изучаете?

– Нам о передвижниках рассказывают. Вот, Поленова, мама. Так что, пап? Пойдем?

– А что, пойдем. И маму с собой возьмем.

– Ой, папуля, как я рада, что ты вернулся.

– Садитесь кушать, искусствоведы.

За столом говорили, в основном, о школьных делах дочки. И когда вновь заговорили о картине и сочинении, Лена, склонив, по матерински, голову на одно плечо, спросила:

– Папа, а что, без греха людей не бывает? Мы что, все грешники?

Родители переглянулись.

– Так, дочка, ты вот сама не понимаешь, какой вопрос ты задала. Да, не удивляйся. Вопрос такой, что мой ответ может занять весь оставшийся вечер. И это притом, что я сам буду не уверен в правильности ответа. Представляешь?

– Почему, папа?

– Кстати, картина эта как раз об этом. Она не столько отвечает, сколько спрашивает.

– Теперь и мне захотелось с вами в музей пойти, – Наталья, встала из за стола, – чай всем наливать? Я вспомнила, ты рассказывал, что летел в самолете со священником. Это с тех пор ты так глубоко религиозные темы копаешь?

– Не сказал бы, что именно с тех пор, но..., эта встреча тоже повлияла. Ты знаешь, у меня лицо этого отца Виталия часто перед глазами стоит. Я с ним еще хоть раз хотел бы встретиться. У меня такое ощущение, что мы с ним о чем-то не договорили.

– Пап, ты мне не ответил.

Виктор откинулся на спинку стула и помолчал.

– Ленусик, давай этот твой вопрос отложим на поход в музей. Он у меня что-то..., не отвечается. И, кстати, ты тоже к нему подготовься. Да, да. Я не шучу. Так, как будто бы ты сама на него отвечаешь. Хорошо?

– Хитренький какой!

– А что? Я тоже постараюсь к нему хорошо подготовиться. Ты даже не представляешь, – говорил задумчиво, – что ты сейчас невольно спросила о том, о чем нормальный человек хоть раз в жизни себя спрашивает.

– О-о. Вас понесло, товарищи. Давайте лучше чай пить.

Помешивая ложечкой чай, Виктор глянул на дочку и неожиданно сменил тему.

– Ленусик, я тебе сейчас одну новость скажу. Только ты послушай её внимательно и не спеши реагировать. Хорошо?

Наталья замерла с кружкой у рта.

– Мы этого тебе никогда не говорили, но вот так получилось, что пора сказать.

– Ну, папа, ну. Не тяни. Только пусть это будет хорошая новость.

– Хорошая. У тебя есть брат.

Леночка замерла с улыбкой на лице. Потом перевела взгляд на мать.

– Мам, я не пойму. Был..., или есть? И где он?

– Есть, дочка, есть, – Виктор протянул руку к дочке и положил ей на плечо, – давно, когда я еще не женился на маме, у меня была... связь с одной женщиной..., и у неё...

– Она родила от тебя ребенка? Да?

– Да, дочка, – Наталья взяла её за руку с другой стороны, – твой папа и ему, этому мальчику – папа. А раз так, то этот мальчик..., он тебе родной по отцу брат. Ой, Витя, надо было ей это завтра сказать, посмотри, она даже побледнела, спать ночью детё не будет.

– Не беспокойся, мама. И ты папа. Не беспокойтесь. Я уже взрослая девочка.

Лена встала из-за стола и взяла чайник.

– Я, пожалуй, еще чаю выпью. Кому еще налить?

– Мне, дочка, налей. Понятно, Наташа? Она на самом деле у нас взрослая уже.

– Да, с вами станешь взрослой.

– Кстати, он уже не мальчик. Он юноша, молодой человек.

– Красивый, пап?

- Он тебе брат.
- Ну и что? Красивый?
- Он очень на меня похож.
- Ну-у. Тогда коне-ечно! – дочка с матерью переглянулись.

Весь остаток вечера говорили о Германе. Вопросов было много, ответов у Виктора было значительно меньше. Хотя он с облегчением отметил, что его женщины встретили эту новость неожиданно легко, с пониманием, а дочка даже с радостью. Когда Лена ушла спать, Виктор вновь взял визитку и подсел к телефону.

- Не поздно? – усмехнулась Наташа, – не терпится? – и ушла в спальню.

«Надо было завтра утром позвонить», с досадой подумал Виктор. «Наташе все равно это неприятно». Вышел на кухню, покурил, вернулся и все-таки позвонил. Трубку долго никто не брал. Положить? Взяла.

- Позвонил всё-таки. Не думала, что с таким нетерпением буду ждать твоего звонка.
- Варя, я хотел спросить...

– По телефону я не хочу разговаривать. Поэтому давай сразу договоримся вот о чем. Как бы не сложились в будущем наши отношения, а они неизбежны. Ты стал отцом Германа. Это уже случилось. Один раз нам просто необходимо встретиться. Просто необходимо.

- Варя...

– Не перебивай меня. Я не думала, что буду волноваться. Давай лучше телефонный разговор сократим до минимума. Так вот. Я тебе сейчас продиктую телефон кардиолога, который примет тебя и проведет все необходимые исследования и даст тебе все необходимые рекомендации. Кроме того он оформит твое пребывание в его клинике официально. Это для тебя важно. Поэтому я выбрала его. Отнесись к этому серьезно. Ты действительно болен. Я в этом убедилась сегодня утром в аэропорту. Сразу после первого посещения врача я прошу тебя о встрече. Вот и все, пожалуй. А теперь слушай телефон.

Виктор записал номер телефона, фамилию, имя и отчество врача и Варя положила трубку, пожелав ему спокойной ночи.

Глава восьмая. Новая семья

Как болезненно могут происходить незначительные жизненные надломы и повороты, и как буднично, удивительно спокойно меняется жизнь с крутым разворотом, с полной сменой целей, приоритетов и ценностей. Что удивительно – так бывает. Уже втянувшись в череду дней с набором забытых земных хлопот, Виктор вдруг обратил внимание на то, что его не раздражают домашние заботы, походы в магазин, уборка квартиры, и ежедневные посещения клиники, поликлиники, долгие разговоры с врачами и ежевечернее обсуждение с женой и дочкой планов их дальнейшей жизни. Причин для таких обсуждений было достаточно и с каждым посещением медицинских учреждений причин становилось все больше.

Врач, телефон которого дала Варя, на второй день после первых обследований и анализов очень доходчиво объяснил Виктору, что проблемы с сердцем у него не шуточные, и что простым осмотром дело не закончится, если его пациент хочет не только все знать о своей болезни, но и успешно лечиться и продолжать жить. Так и сказал «продолжать жить». Еще сказал, что пачку сигарет он рекомендует Виктору выбросить прямо здесь в коридоре клиники в мусорное ведро. И это притом, что я не провел, сказал врач, основных обследований.

– А сто грамм? – расстроился Виктор.

– Пятьдесят грамм, я даже прооперированным больным рекомендую, – поднял указательный палец и криво улыбнулся медицинское светило.

Встал, достал из сейфа початую бутылку армянского коньяка, не закрывая тяжелую дверцу, налил в стоящие там же две рюмки и принес их на стол. Бутылку вернул в сейф и дверцу закрыл. Такая вот, мол, у нас с тобой норма, брат. Беседа у них получилась недолгой, но содержательной. Светило оказалось смелее и более уверенное в себе, чем кардиолог из портовой поликлиники. Не побоялся «навредить» и без предстоящего основательного обследования сделать своё заключение. Предварил он свое заключение оптимистично:

– У меня в этом кабинете принято чокаться. Мы не на поминках, – а когда выпил, блаженно зажмурился, несколько минут помолчал, открыл глаза и улыбнулся, – вот так, Виктор Павлович. Многие нам лета!

Виктор поставил рюмку и обрадовался:

– Значит ничего страшного?

– Неужели вам, при вашей профессии что-то может быть страшно?

– Ну, это смотря, что мы имеем в виду, – осторожно ушел от ответа пациент.

– Можно предположить, что вам страшно станет, если вам сказать, что море впредь для вас закрыто.

– Вы угадали.

– Я бы вам вторую налил, для храбрости, но... вам нельзя. Точка! Так что пугайтесь, не пугайтесь, но вам, действительно, в море впредь дорожка заказана. Ни я, никакие другие врачи вас туда не выпустят.

Виктор, сказать по правде, был готов к такому повороту событий. И каждый раз он успокаивал себя, что можно подлечиться, и все вернется на свои места. По тому, что сейчас сказал врач, и по тому, как он это сказал, Виктор понял, что это приговор. Вовремя он мне коньячок налил, подумал, иначе бы я сейчас психанул. А так, теплая волна, пришедшая после рюмки в голову, притормозила реакцию.

– И что теперь? – чувствуя, что пауза затягивается, спросил Виктор.

– Ну что? Во первых я вижу, что вы стойко перенесли эту новость. Это делает вам честь. Значит можно обсуждать спокойно программу минимум. Минимум, потому, что я тоже не знаю до конца полного диагноза. Но то, что я могу сказать вам, милейший Виктор Павлович, уже по первым моим наблюдениям, по тому, как вы описываете свои боли, по тому, в резуль-

тате чего они у вас проявляются, это то, что у вас все признаки ишемической болезни сердца. И, скорее всего, запущенной болезни. Да-с, – опять погрозил пальцем.

Виктор выслушал короткую лекцию о болезнях сердца, об успехах нашей медицины, о том, что уже более десяти лет в их клинике проводится операции коронарного шунтирования. И было принято, по общему согласию, решение продолжить обследование и лечиться. Виктор вышел на воздух и только тут понял до конца, что ему сейчас сказали. Пока шел домой, решил отложить «разбор полетов» на время, когда будет больше ясности. Даже с Наташей решил пока ничего не обсуждать.

На третий день посещения клиники, вернувшись домой, пообедав в одиночестве, Виктор позвонил Варя. На этот раз трубку она взяла сразу.

– Ты знаешь, – начал Виктор, – вот уже какой, не помню день, я нахожусь в роли больного...

– Не паясничай, Витя, никакой роли нет, ты на самом деле больной, – мягко прервала его Варя, – и рассказывать мне ничего не надо, я в курсе всех твоих дел. Давай лучше договоримся о встрече. И прошу тебя не откладывать её, я в ближайшие дни должна буду уехать.

– Уехать? – Виктор помолчал, – так в чем дело? Давай сейчас и встретимся. Где тебе удобно?

– Ну, если ты такой быстрый, давай через часик у дома Зингера на Невском. Сможешь?

– Конечно. Сейчас четырнадцать пятнадцать, да? Постараюсь к пятнадцати ноль ноль быть на месте.

– Договорились. Чувствуется моряк, – Виктору показалось, что на том конце провода Варя улыбнулась.

Приехал на место Виктор раньше, чем предполагал. Поймал себя на том, что волнуется. Вошел в магазин «Книги», походил вдоль прилавков, постоял в отделе «искусство», любовался глянцевыми обложками. Показалось, что отвлекся, успокоился. Что это я, как мальчишка. Права, видимо, Наташа, надо себя в руках держать. Почему я сейчас волнуюсь? А вдруг Варя с Германом придет? И кому я больше рад буду? Пока думал, направился к выходу. Варя стояла в нескольких шагах к нему спиной и смотрела вдоль проспекта в сторону метро. Она явно одна была.

– Варя, я здесь.

Варя медленно повернулась. Лицо серьёзное, на носу капелька. Дождик начался, когда Виктор еще из дома вышел. Только сейчас моросил мелкий, холодный, колющий щеки и проникающий за воротник. Холодало. Виктор по-разному представлял себе эту встречу с Варей. То она ему представлялась сдержанной, деловой, то вдруг уверен был, что обнимет Варю, и она ответит ему, прижмется к нему тесно тесно, как когда-то. Но вот он подошел к ней и убрал у неё с носа капельку, а она все так же серьёзно смотрела ему в глаза, молчала, руки в карманах пальто.

– Виктор Павлович, буревестник мой непокорный, а у тебя нет желания прогуляться с дамой?

– Варя, что ты? Какая прогулка? Дождь, сыро, холодно. Я думал, что мы посидим где-нибудь.

– У меня в машине зонт, большой, мужской. Вдвоем под зонтом, с красивой женщиной, неужели не уговорю? Я тебе достопримечательности города на Неве покажу. Ты вот живешь здесь, а города, я уверена, не знаешь. Не так, скажешь?

– Почему это я не знаю?

– Хорошо. Один вопрос. Не ответишь – пойдешь со мной. Согласен?

Виктор пожал плечами. Странно у них разговор начинается. Варя глянула в одну сторону, в другую и кивнула вдоль канала Грибоедова.

– Что это там за храм стоит? Знаешь?

– Ну-у. Церковь какая-то старая, ремонт на ней идет. Видишь, вся в лесах?

– А как называется?

– Ясно. Ваша взяла, мэм. Пошли.

– Вот и чудненько. Я сейчас зонт только возьму, и пойдем в ту сторону. Я тебе заодно и историю этого храма расскажу. Называется он, чтоб ты знал, «Спас на крови».

Варя взяла в стоящем, оказывается, рядом уже знакомом серебристом автомобиле зонт, что-то сказала водителю и вернулась к Виктору. Машина плавно вывернула на проезжую часть и ушла на Невский. Варя вручила Виктору раскрытый зонт, взяла его под руку, и они направились вдоль канала.

– Мне почему-то казалось, что ты с сыном придеешь.

– Казалось, или хотелось?

– Варя, ты меня каждый раз заставляешь на какие-то вопросы отвечать. Я отвык от этого.

– Привык сам вопросы задавать?

– Да. Как-то чаще я задаю.

– Задавай.

Прошли молча до мостика. Варя легонько тряхнула его руку.

– Что молчишь? Спрашивай.

– Кто такой Майкл? Что ты делаешь у американцев? Куда ты уезжаешь?

– Ого! – засмеялась, помолчала, – конечно, можно было предположить, что ты эти вопросы задашь..., но, хотя бы в другой последовательности. Например, первым мог спросить – когда я уезжаю, да? Майкл? О Майкле вопрос меня тоже устраивает. Женщина, Витенька, может многое простить, кроме равнодушия.

– Отвечать то будешь?

– Конечно, отвечу. Для того и пришла. А можно я перед этим еще один вопрос тебе задам? Можно? Ты мне скажи, ты обо мне вспоминал? Да не задумывайся, скажи сразу правду. Я же все равно пойму, правду ты говоришь или лукавишь.

– Вспоминал, Варя, – вздохнул, – вспоминал. И часто вспоминал. Чаще, чем хотелось бы. Ты даже не представляешь, как часто. По несколько месяцев в море, знаешь, там много времени для воспоминаний бывает. Но ты пойми..., у меня замечательная жена. Наташа. Если бы та знала её...

– Знаю.

– Откуда? Хотя..., что я спрашиваю. Ты же у нас ведьма. Не сердись. Я в хорошем смысле.

– Я не сержусь, Витя. На это я не сержусь. Я и есть ведьма. В хорошем смысле. А что не забывал – спасибо. Как теплой рукой по щеке провел. Я о тебе тоже не забывала. Никогда. Хотела сказать – ни на минуту. Да ты не веришь.

Виктор удивленно глянул на Варю. Как будто серьезно сказала. Постояли у храма «Спас на крови». Варя рассказала всю историю этого храма, от убийства царя до нынешнего реставрационного ремонта. Пошли по аллеям Михайловского сада. И здесь Варя рассказывала ему историю Михайловского замка, темнеющего справа за деревьями, мрачного, как и его история, рассказанная Варей. Они не заметили, как дождь постепенно превратился в снег, сначала мелкий и колючий, почему и не был замечен. Но вот он посыпал сначала редким, а потом густым пушистым снегопадом. И тени деревьев и тень замка стали завораживающе красивыми, графичными, загадочными.

– Вот он, Петербург! – сказала Варя, – во всей своей красе! Таким я его люблю. Пойдем теперь в Летний сад. Пока снег идет. Сядем на скамейку, и нас засыплет белым снегом, а мы будем сидеть тихо, не шевелиться, и наговоримся всласть.

И повлекла его за собой вдоль Садовой. Остановились на мостике через Лебяжью канавку и полюбовались на открывающееся перед ними в снежном мареве слева Марсово поле, а справа Летний сад.

– Варя, ты мне Ленинград открываешь заново. Как будто я здесь никогда не был. Даже снег на вооружение взяла. Красота несказанная! Только я бы эту красоту предпочел из окна кафе наблюдать. Может быть, сменим маршрут? В уют хочется. В тепло, кофе, коньячок. А? Музыка тихая.

– Боже мой! Витька! Ты не изменился. Такой же домашний, каким и был. Как ты в море ходишь? Как ты громадным кораблем командуешь? Шторма, суровый быт, вахты.

– Ох, как мне это знакомо. Еще в ушах другой голос слышу. Ну откуда вы можете знать, как там в море?

– Вы – это кто? Я и Наташа? Тогда давай я твой вопрос на два разделю. Первый, это то, что говорит твоя жена. Значит только, что она хорошо тебя поняла. А раз поняла, значит любит. На второй вопрос я отвечу от себя лично, – улыбнулась, – каково оно в море, я знаю не понаслышке.

Виктор остановился, повернул к себе лицом Варю.

– Что ты хочешь сказать?

– То, что сказала. Я, если хочешь знать, пересекла Атлантику на парусной шхуне. Туда и обратно.

– Куда это – туда и обратно? – опешил Виктор.

– А вот так. Выходили из Сен-Джонса, Канада, – взяла Виктора за отвороты кожаного пальто и с торжествующим видом, – потом в Исландии Сейдисфьёрдур, потом Берген, Норвегия. И таким же путем назад. Знакомые места, сэр?

– Да. Сен-Джонс, остров Ньюфаундленд. Мы там, на шельфе рыбку ловим. Но, погоди, как это, на каком паруснике?

– Ты спрашиваешь так, будто все парусники знаешь. Но это частный парусник. Гафельная шхуна. Между прочим, тридцатого года постройки, представляешь? Немецкая.

– Но как же..., ты?...

– Да, милый мой друг, я. И парусину ставила вместе с другими, и за штурвал меня пускали. Камбуз, мыть, драить, готовить, кормить, мыть... Камбуз не любила, внизу противно, когда шторм, а штормов было очень много в северной Атлантике. Да что это я? Ты, говоришь, тоже там бывал? – улыбалась Варя.

– Скажи, что ты шутишь.

– Нет, не шучу, – отпустила Виктора и пошла рядом, – я одно время в Америке жила. Свой круг друзей был. У одного из них эта шхуна. Я им очень благодарна за эти незабываемые дни. Это было так по настоящему, так замечательно. Меня, знаешь, любили. Я это видела. Я не конфликтная. Там, в море, мы все становились такими, какими мы есть на самом деле. А ещё, я погоду предсказывала, с птицами разговаривала. Ты же знаешь, первая птица прилетает к кораблю, берег указывает. К ней если присмотреться, послушать её, она все расскажет. Веришь? Вот там я чаще всего вспоминала тебя. И..., там я встретила своего мужа. Майкла. Витя, он очень хороший человек – она опять остановилась и заглянула ему в глаза.

Виктор молчал. Все это было так неожиданно. Разговор с Варей получался совершенно не таким, каким его представлял себе Виктор. Он вновь вспомнил это ощущение Вариного лидерства. И сейчас он растерялся. Он давно разучился теряться, быть неуверенным в себе. И вот.

– Хорошо. Так кто же все-таки этот твой Майкл? И как ты оказалась в Америке?

– Витя, давай, в конце концов, серьезно поговорим. Я ведь не просто так просила тебя о встрече. О том, как я оказалась в Америке, ты лучше не спрашивай. Я все равно ничего не скажу. Просто в этом нет никакой необходимости. Да и ничего интересного в этом нет. А чтобы ты был спокоен, я тебя заверяю, что никогда, никто к тебе никаких претензий по поводу того, что мы с тобой не просто знакомы, предъявлять не будет. Я не нарушила ни одного закона своей страны. И то, что я теперь гражданка Соединенных Штатов Америки, тебя

не должно беспокоить. Тебя это не касается. Мой муж работник посольства США. Вот и все, что я тебе могу ответить на твои вопросы. Не сердись.

Она стояла, положив руки ему на грудь, и смотрела прямо в его глаза, ни разу не отведя взгляда.

– Ну что ты нахмурился? Я не шпионка, не разведчица. Я просто женщина, мать твоего сына. Ты помнишь об этом?

– Хорошо, – Виктор помолчал, разглядывая что-то в конце аллеи.

– Хорошо, о чем серьёзном ты хотела со мной поговорить?

– Сейчас, погоди, только пойдем, не будем стоять, а то нас снегом засыпает.

Она снова взяла его под руку, и они пошли по аллее Летнего сада в сторону набережной.

– Знаешь, я начну пожалуй с тебя. Только, пожалуйста, отнесись серьёзно ко всему, что я тебе говорю. К врачам я тебя направила самым надежным. Но направила для того, чтобы они рассказали тебе на официальном медицинском языке все о твоём здоровье, и лечили тебя соответствующе. А я, еще до обследования, уже разобралась в твоём сердце. Ты же сам говоришь, что я ведьма. И не ошибаешься. У меня есть способности, передаваемые в моем роду по наследству. Это тайные знания. И тайной останутся. Опять ты хмуришься. Я не стану уговаривать тебя верить мне. Со временем ты сам все поймёшь. А лучше будет, если ты забудешь все, что я тебе сейчас говорила. О знаниях. Понимаешь? Остальное помни и верь мне. Я тебя люблю, и любить буду до конца дней своих. Глянь мне в глаза. Веришь? И заботиться о тебе буду до конца твоих или моих дней. Веришь? Это тебя ни к чему не обязывает.

Виктор помолчал, потом тряхнул головой.

– А ты знаешь..., верю. Только...

– Не надо. Не надо ничего говорить.

Прошли молча.

– Давай сядем, Витя. Снег, как будто, уже утихает. Как хорошо, что я тебя уговорила погулять здесь. Красиво, правда?

Теперь сыпал сухой редкий снежок, видимый только в свете фонарей. Черно белый парковый пейзаж с золотом фонарей окружал их. Было не холодно, тихо и торжественно. Виктор стряхнул перчаткой снег с лавочки, и они присели.

– Так вот. Тебя вылечат. Обязательно вылечат. Я это знаю. Но быстрого лечения болезней сердца медицина пока не освоила. Я почему это говорю. Витя, надо профессию менять. Отнесись к этому серьёзно. Как менять, ты сам разберешься, не бабье это дело мужчине такие советы давать. Да не хмурься ты так. У тебя впереди большие дела, – она улыбалась, заглядывая ему в глаза.

– А у меня в голове сейчас одна мысль крутиться, – остановил её Виктор.

– Говори свою мысль.

– Мне скрывать нечего. Я ведь готовился к нашей встрече. Думал, что говорить буду, как говорить буду.

– И что? Я тоже готовилась.

– Да. Так вот. Ты лучше меня подготовилась. Признаю.

– Не расстраивайся. Просто у меня есть, что тебе говорить. А у тебя – нет. У тебя только вопросы. И не все корректные. Так?

– Возможно. Ты еще что-то припасла? Будешь говорить? Теперь я уж точно молчать буду. И вопросов больше задавать не буду.

– Ну почему же, Вить?

– Уж больно ты... исчерпывающе на предыдущие ответила.

– Мне сначала показалось, что ты мало изменился. Нет, ну внешне, конечно..., возмужал. Но все же. А теперь всё больше убеждаюсь, что ты другой. Я еще не определила, наверно, какой, но другой.

– Хуже, лучше?

– Не кокетничай. Ты же по моим глазам все видишь.

– А я вот, сплеховал, однако. За все время не успел тебе ни одного комплимента сказать.

– Скажи, – Варя шутливо поманила перчаткой к своему уху.

– Я не знаю, как теперь это сказать..., пожалуй, так – мне все время тебя поцеловать хочется.

– А Наташа, жена?

– Варя, ну зачем ты так? Ты же понимаешь о чем я.

– Понимаю. Знаешь, мне тоже хочется, чтобы ты меня поцеловал. Я же все помню, – она сжала его руку, – но целоваться мы не будем. У нас, действительно, ещё очень серьёзный разговор предстоит. Пожалуй, самый главный. Такой, что я все не решаюсь его начинать. Не догадываешься, о чем я?

– О сыне?

– Ты тоже об этом думаешь? Тогда мне легче начать будет.

Варя помолчала, как бы собираясь с мыслями, положив руки на колени и глядя на Виктора.

– Я тебе уже говорила, что уезжаю. Действительно, я уезжаю из страны, и надолго. Вместе с мужем. Уже на следующей неделе. Проблема с Германом. Он уезжать не хочет, он хочет жить в Союзе и относится к этому очень серьёзно. Я это его решение поддерживаю. Дальше говорить?

Они в очередной раз помолчали. Варя теперь держала двумя руками его руку, а Виктор положил сверху вторую руку.

– Скажи. Я боюсь ошибиться.

– Ты не ошибешься. Герман попросил меня поговорить с тобой. Ты не против, если он поживет с тобой? У тебя в семье.

– Боже мой, Варя, ну как я могу быть против? Сын. Он у тебя все эти годы был. Понимаешь? Был! А у меня наша встреча с ним перед глазами стоит. Ночью проснусь, и заснуть не могу.

– Витя, успокойся. На эту тему надо спокойно говорить. Ты не один. У тебя жена, дочь.

– Ты не поверишь, буквально, на днях мы с Натальей о Германе говорили. И она, толи в шутку, толи в серьёз предложила его к нам взять. Ну что ты нахмурилась? Это просто разговор был. И Ленка очень обрадовалась, что у неё брат есть.

– Значит, ты уже говорил с ними о сыне?

– Ну да. В тот же вечер, как мы в аэропорту встретились.

– Хорошо. Чтож, можно предположить, что у тебя хорошая семья.

– Варя, не рви мне душу. Прошу, не смотри так. Мне, по-видимому, нельзя с тобой долго общаться. Чтож у меня за сердце такое? Почему вы там обе помещаетесь?

– Обыкновенное мужское сердце, – вздохнула Варя, – у тебя оно отличается только тем, что болит. Возможно, слишком совестливое. Знаешь, ты пожалуй поцелуй меня.

Губы и щеки Вари оказались солеными.

– Ты плачешь? Варя, милая ..., ты надолго уезжаешь?

– Прекрати, Витя. Ну..., прекрати. Не пользуйся минутной слабостью женщины. Давай лучше договорим..., о Германе. Во первых, тебе надо обстоятельно поговорить с женой и дочкой. Очень обстоятельно и серьёзно. Твой сын уже не ребенок. Мы вот сейчас с тобой расстаемся, и у тебя много чего в голове проясниться. У тебя собственные обстоятельства откроются, о которых ты сейчас даже не предполагаешь. Согласен?

– Да, Варя, ты права. Я и сам все обмозгую, и со своими девчатами поговорю. Ты права.

– Что я тебе заранее могу сказать? Если у тебя возникнет желание усыновить Германа..., не перебивай меня..., если возникнет, то я, уезжая, сведу тебя с адвокатом. Он будет готов

к этому. И проблем не будет. Знаешь почему? В свидетельстве о рождении ты записан отцом. Он Викторович.

– Боже мой. Я все это время был отцом. Почему же ты от меня это скрыла? Неужели ты думала?... Да нет..., не могла ты так думать. Я же тебя знаю. Ты расскажешь мне о нем?

– Конечно, Витя, конечно. Тебе надо будет подготовиться к встрече с ним. Он не простой. Самое главное в нем – он личность. И с ним придется находить особый язык. Его нельзя поломать. Я знаю, уверена, что вы поймете друг друга. Витенька, я очень надеюсь на тебя. Я тебе всё о нем расскажу. Нам надо будет еще один раз встретиться. Ты дома поговоришь с женой, а мы с Германом все окончательно обсудим. Мы ведь с ним много о тебе говорим. Ты будь готов к тому, что он тебя хорошо знает. Я понимаю, какую проблему я обрушила на тебя. Но ты же сильный. Ты у меня умный. Другого отца у моего сына просто не могло быть. Ты это понимаешь?

На этот раз губы Вари были не солеными.

– Варя.

– Все, милый мой, родной. Всё, всё. Расстаемся. У меня здесь на набережной машина стоит меня ждет. Тебя куда подвести?

– Этого мне только не хватало. Я пройдуся. Проветрюсь. Ладно..., иди. И знаешь, пусть мне Герман позвонит.

– Все правильно, Витя. Я ему скажу.

Снег прекратился. Вокруг фонарей на ветках дрожали золотые круги, а под ногами скрипел свежий ледок. Я иду в новую семью. У меня новая семья, с каждым хрустом под ногами стучало в голове. Совершенно новая, неожиданная, о которой я еще несколько дней назад и думать не мог. Какая она будет. Это все зависит от меня.

Глава девятая. Ё моё

В полночь оркестр сделал очередной перерыв. Игорь спустился с подиума, сел за стоящий рядом свободный столик и поманил к себе проходившую мимо официантку. Попросил принести кофе.

– Может быть, поешь что-нибудь, Игорек? – спросила девушка, – у меня цыпленок табака остался, принести? С гарниром.

– Неси, – чуть подумав, устало сказал Игорь, – я заплачу.

– Да брось ты. Как не родной. Я же у тебя никогда не возьму деньги. Вот если бы ты меня замечал, как сыр бы в масле катался, – девушка остановилась рядом и игриво толкнула Игоря в плечо бедром.

– Люська, отстань. Смотри, вон, Тарахтелкин с тебя глаз не спускает, – он кивнул в сторону ударника, все еще сидящего за своими барабанами, – он весь на слюни изошел, с твоих роскошных бедер глаз не сводит. Только мигни ему.

– Пусть ему его жинка мигает, она вон, уже в фойе сидит, караулит.

Люська вздохнула, старательно смахнула со скатерти крошки и села на стул напротив Игоря.

– Устала?

Девушка молча кивнула и оглядела зал. Большая компания, занявшая сдвинутыми столами пол зала шумно «гуляла».

– Я так поняла, что они еще часа два намерены шуметь? Ты не слышал? Говорят, что они в Лас-Пальмасе больше месяца стояли. Барахлишка много привезли. Чё они вам говорили?

– Просили не уходить. Вперед заплатили. Ты это..., принеси. А то сейчас нас маэстро кликнет, и я без твоего цыпленка останусь. А у меня горло пересохло.

– Слышь, Люсь, – вслед уходящей девушке, – ты принеси мне только кофе, а цыпленка заверни мне с собой. Сделаешь?

– Сде-елаю, – со вздохом согласилась и, махнув рукой, ушла.

– Что она тебе принесет? – с подиума спросил пианист Миша.

Миша встал, взял лежащее на крышке пианино полотенце, вытер руки, шею и, оставив на шее полотенце, спустился к Игорю. Со вздохом тяжело опустился на стул. Миша полный, с кучерявой гривой волос еврей. Он – маэстро. Руководитель и, несмотря на молодость, отец родной всего небольшого коллектива. На нем все. Организация, переговоры с администрацией ресторана, с другими заказчиками, а значит и распределение денег. На нем и улаживание непонимания с другими людьми, из разных «органов», отделов и ведомств. За ним коллектив оркестрика, как за каменной стеной. Миша моложе Игоря года на три, четыре, но отношение у Игоря к нему уважительно-почтительное. У Миши музыкальное образование, а главное – он прошел школу концертной деятельности ни где-нибудь, а в Москонцерте. За какие грехи его разлучили с таким «хлебным» местом, он не распространяется, как и о том, что его занесло в края заполярные. А если разговор и касается вопросов «хлебности», то он говорит «Мальчики! Кто видит себя красивым полярником и мечтает о большой заполярной пенсии, тому со мной не по пути. И кто держит себя за большого музыканта, мы с ним тоже в разных вагонах едем. Я сюда приехал забрать свой мильён и уехать. В этом красивом городе так много денег, что можно, если задержаться, вкус себе испортить». Ему все верили. Народ в оркестре неустойчивый, любители, не все местные. Мишу все слушают. И на репетициях и в быту. Миша, если не деньгами, то советом всегда поможет. Он так и говорит: «мой совет дороже денег».

– Жаль, не успел, хотел стакан «Боржоми» попросить.

– Я скажу, – Игорь встал и направился вслед за официанткой на кухню.

Миша кивнул и принялся разглядывать веселящуюся компанию. Покачиваясь, к нему направился молодой моряк с двумя галунами на погонах, и с распущенным ниже второй пуговицы узлом галстука. У самого стола, где Миша сидел, моряка догнала девица и повисла у него на плече. Моряк обнял её за талию и обратился к Мише.

– Паря! Видишь, девушка танцевать желает?

– А я отдохнуть хочу, – Миша доброжелательно разглядывал желающих танцевать, – я щас, пару минут посижу, стакан воды выпью – и к вашим услугам.

– Паря! Мы полгода не отдыхали. Ценишь?

– Понял, милые, ценю. Што танцевать будем?

– Танго, – с ударением на «о».

Моряк достал из кармана брюк пачку денег и, плюнув на палыцы, «отслонявил» красный червонец, хлопнул им по столу.

– У вас этот..., на черном, красивом кларнете лабает это..., там-тарам, – он показал, будто сам в руках кларнет держит.

– Понял. «Маленький цветок». У вас хороший вкус, капитан. Щас сбачаем.

Миша смахнул со стола деньги так, что любой любопытный бы не понял, куда бумажка делась. Моряк с пьяным замедленным удивлением проследил исчезновение денег, кивнул и развернул подругу в зал.

– Шеф, – обернулся к Мише, – мы в ожидании.

– Ага, – успокоил его Миша, – щас.

Вернулся Игорь с официанткой. Поставил перед Мишей бутылку «Боржоми» в капельках, явно прохладную, официантка аккуратно поставила дымящийся кофе на блюдечке, а Мише стакан. Пианист, зажмурившись от удовольствия, одним махом выпил стакан и налил еще половинку. Помолчал, разглядывая чашку Игоря.

– Поговорим?

– Если время есть – поговорим, – пожал плечами Игорь.

– Есть. Подождут, – лениво глянул в зал, – я давно присматриваюсь к тебе.

– Я заметил.

– Это к нашей лабуде отношения не имеет. Я о другом, дюша мой. Ты только не гоношись сразу, послушай. Ты же у нас капитан? И что, финансы поют романсы? Жена шубы любит? Чё на шабашку пошел? Ты это..., не шебаршись. Обижаешься – прекращаем разговор.

– Миша, а ты допускаешь, что это не твое дело? Я тебя, как музыканта, уважаю, но в свои дела я еще никого не пускал. И ты не исключение.

– Хорошо, – Миша отпил из стакана, – раз ты такой изяшный интеллигент, скажу прямо. Из прошлого опыта знаю, что интеллигенты понимают лучше, когда им прямо говорят. Значит так. Тебе деньги нужны? Хорошие деньги?

Игорь пожал плечами, удивление на лице не скрыл.

– Ты имеешь в виду, что это к нашей работе отношения не имеет? – он кивнул на подиум.

– Нет, дюша мой.

От ближайшего столика крикнули:

– Шеф! Ты обещал.

– Пошли, – Миша встал, – сразу не уходи. Поговорим.

Закончили играть только в третьем часу ночи. Игорь уже в пальто, с футляром направился на кухню. Миша спросил вслед:

– Уходишь?

– Я вернусь, догоню.

– Ага, – удовлетворенно пробормотал себе под нос Миша.

Вышли из ресторана вместе. Мишу ждало такси. У машины он взял Игоря за рукав.

– Ты здесь рядом, кажется. Если хочешь, подвезу.

– Ну, подвези. Устал, спать хочу, – зевнул Игорь, – я свое заплачу.

– Вот чего не люблю, так это мелочность, – расстроился Миша.

Игорь взялся за ручку задней дверцы.

– погоди, – остановил Миша, – давай сначала поговорим, он подождет, положи свою котомку, закрой и давай пройдемся. Не люблю при свидетелях дела решать.

– Только никаких криминальных предложений, – хмыкнул Игорь, – банки брать, в форточки лазить я не согласен.

– Хохмишь, капитан? А чё ж ты тогда остался на разговор? Щас хорошие деньги без нарушения закона не сработаешь, – улыбнулся одними губами Миша, глаза смотрели внимательно.

– А ты, какие предлагаешь заработать?

– Очень хорошие. Будешь интересоваться?

Игорь остановился, покачался с носка на пятку.

– Рассказывай.

– Хорошо. А зачем тебе деньги?

– А тебе какое дело?

– Знаешь, если не хочешь, можешь не говорить. Только пойми, я вот буду с тобой откровенно говорить. Если ты сейчас мне свою версию скажешь, я человек опытный, я сразу пойму – действительно тебе бабки нужны, или ты меня на понт берешь. Я хочу знать, как с тобой дело вести, насколько тебе доверять можно. Ты ведь быстро всё равно ничего путного не придумаешь. А честно скажешь – пойму. А?

– Не нравится это мне что-то.

– Как знаешь, – Миша остановился.

Машина подъехала к тротуару.

– Ладно. Какой тут секрет. Жена болеет, не работает. Сын в Москве учится. Взрослый. Москва. Понимаешь, да?

– С музыки не хватает?

– А то ты не знаешь? Да и играю я больше для души.

– Лады. Слушай. Мы на этой неделе поедем шабашить в два места. Автобус я заказал. В Кильдинстрой и Оленегорск. Я еще вам не говорил?

– Нет. Первый раз слышу.

– В одном месте, по-моему, в Оленегорске – свадьба, а в Кильдинстрое начальника чествуют. Вот.

– А как я с дежурством это улажу?

– Это твой вопрос. Но в любом случае улаживать надо. Мы без тебя..., сам понимаешь.

– Ну. Давай, излагай дальше.

– А дальше интереснее. У тебя свои деньги есть? Свободные? На книжке или в записке, есть?

– Сколько?

– Тысячи две, на первый случай.

Игорь стоял, покачиваясь, с любопытством рассматривал Мишу и молчал. Миша занервничал. Подошел к такси. Стекло опустилось, и Миша что-то сказал водителю. Видно было, что тот кивнул. Миша вернулся к Игорю.

– А что я такого спросил, что вы, дюша мой, так, надолго задумались?

– Миша, насколько хватает моих познаний, ты какую-то спекуляцию предлагаешь?

– Ты понимаешь, – Миша взял Игоря за отвороты пальто и заглянул ему в лицо, – я немного психолог, и вижу, понимаешь, вижу в тебе предпринимательскую жилку. Но её в тебе разбудить надо. Это я тоже, к сожалению, вижу. Хотелось бы, чтобы на это поменьше времени ушло. Время, Игорек, – деньги. Так вот, дюша мой, это тот самый случай. Да! – Миша даже

оттолкнул Игоря, – я тебе предлагаю спекулятивную операцию. Ты вкладываешь свои кровные и..., – он развел в стороны руки, – получаешь, бля..., минимум вдвое больше. Понял? Вдвое! Или ещё раз, в деталях? Колись, Игорёк, колись побыстрее. Я домой хочу, баиньки.

– И когда деньги нужны?

– Вчера! Чё ты спрашиваешь? Бабки есть? Согласен? Вот завтра, на репетиции все конкретно обговорим. Лады? Завтра с бабками и приходи.

– А Оленегорск здесь при чём?

– Вот завтра все и узнаешь.

Игорь пожал плечами. Сели в машину. Миша сел впереди и всю дорогу под нос себе напевал «Тарантеллу» Россини. Игорь смотрел Мише в затылок и поражался, что человек напевающий «Тарантеллу» только что предлагал ему сомнительное предприятие. А может быть такое, что я просто конченный идеалист? И живу в каком-то придуманном мире. Ехали недолго, но Игорь успел принять решение. Он твердо решил провернуть это дельце, Мишино предложение. Провернуть и принести Нине деньги.

У своего дома Игорь тронул водителя за плечо, а Мише сказал:

– Убедил. Завтра, как договорились.

Вышел и, не оборачиваясь, уходя в подъезд, козырнул отходящей машине. Дверь открыл своим ключом, тихо разделся, сверток сунул в холодильник и, укрывшись пледом, устроился на диване. Ему показалось, что Нина спит и не слышит его. Но в соседней комнате послышалось сначала покашливание, а потом уже знакомый удушающий кашель. Игорь включил торшер, завернулся в плед и вошел в спальню.

– Свет не включай, – тяжело дыша, попросила Нина, – и иди Игореша спать. Ты же намаялся. У меня сейчас пройдет, – Нина говорила с перерывами, – чайку мне только налей. На плите чайник еще горячий, я недавно поставила.

– Не спала?

– Иди, – слабо махнула рукой.

На плите, действительно, стоял горячий чайник. Значит, вставала, значит, не спала. Стоило Игорю зажечь под ним газ, и чайник пустил струю пара. Налил две чашки, себе и Нине.

– Ты ела?

– Игорёша, ты же знаешь, мне ничего не хочется. Завтра. Проснусь, может быть – захочется.

– А я тебе курочки принес. Цыпленок табака. Съешь кусочек?

– Цыпленок? Табака?

У Нины удивленно и радостно блеснули глаза. Закашляла, отдышалась и опять улыбнулась.

– Попробую.

Игорь быстро подогрел половину порции на маленькой сковородке и принес жене. Нина сидела на краю кровати, накрывшись одеялом, ноги в валенках. Пока Игорь подогревал цыпленка, слышал, как она еще раз задохнулась от кашля. Потом он сидел и, с неожиданно нахлынувшей жалостью, и..., нежностью, смотрел в полумраке на растрепанные, слипшиеся на лбу рыжие волосы жены, веснушки на носу и на треугольнике груди, не закрытой одеялом и выхватченной лучиком света из соседней комнаты. Раньше он не раз говорил ей, что у неё самые трогательные, самые женственные веснушки, какие он когда либо видел. Он её убедил. С годами она перестала стесняться своих веснушек, перестала запудривать их. Даже когда появились тональные кремы, она ими принципиально не пользовалась. Веснушки нравятся Игорю.

Боже мой! Она ест.

– Хочешь, я еще принесу? Там у меня еще половинка есть.

Нина только головой отрицательно покачала. А сколько в глазах благодарности! У них давно не было такой взаимной теплоты друг к другу. Конечно, Нина в нем души не чаяла, но, чувствуя сдержанное к ней отношение Игоря, и сама держала себя в руках.

Заболела она давно, больше года назад, прошлой зимой. В один из снежных заносов не ходил транспорт, и она пришла домой пешком. Шла долго, в грудь дул встречный ветер, в валенки набился снег, промокла. Дома никого не было. Её бы растереть хорошенько, да под одеяло, да чайку горячего, а Нина взялась готовить. Жидкий газ, стоящий в баках во дворе, шел к ним зимой на четвертый этаж плохо, несколько раз тухли горелки. Так она еще и надышалась кухонной гари и газа. На следующий день Игорь пришел с работы, а Нина уже лежала с температурой и задыхалась от сухого кашля. «Скорая» определила пневмонию и в этот же день положили Нину в больницу. После того случая она еще два раза ложилась в больницу с диагнозом воспаление легких. Сдавала анализы на туберкулез, онкологию, слава Богу – принесло, ничего не подтвердилось. Но остался один диагноз «хроническое воспаление лёгких», который лечили, но видимых успехов этого лечения видно не было. И работу пришлось оставить. Главврач сказал: «подлечитесь, Нина Григорьевна – мы вас всегда, с радостью возьмем». И все ей рекомендовали поехать на юг, в санаторий, а то и на все лето на юг уехать. А как она одна, без Игоря? Да и денег лишних нет.

Так что нынешний разговор с Мишей для Игоря лег на готовую почву. Две с половиной тысячи у него лежали на книжке, но это были деньги, на которые уже намечены планы. Они с Ниной их собирали для Тимофея, который окончил институт и остался работать на кафедре. У молодого человека были планы основательно остаться работать в Москве, а это значит, что надо было решать вопрос с квартирой. Купить кооперативную квартиру в Москве – нужны были немалые деньги. Все складывалось.

В какой-то момент Игорь захотел рассказать Нине о сегодняшнем предложении, но сдержался. Зачем лишний раз волновать. Он ведь и не знает толком, что ему предстоит. Нина доела цыпленка, даже косточки обсосала. Запила чаем. Игорь принес мокрое теплое полотенце и сам вытер ей лицо, руки, грудь и спину. Нина перекрестилась, прошептала коротенькую молитву и легла, подтянув под горло одеяло. Она не сводила сияющих глаз с Игоря, лицо у неё светилось всеми веснушками и ярко красными губами.

– Игорёша, родимый мой, я уже и припомнить не могу, когда я так ела.

Игорь наклонился и прикоснулся губами к кончику её носа, потом поцеловал в губы.

– Подруга, а ведь у тебя температуры нет. Спи, – и поправил одеяло.

А про себя заметил, что жена и не кашляет. Глаза закрыла, а лицо светиться продолжает. Он наклонился и еще раз поцеловал её в щеку. Нина открыла глаза, в уголках блеснули лучики. Хотя бы ночь поспала. Уже засыпая, принял окончательное твердое решение, что завтра пойдет на все, что предложит Миша.

Утром еще раз покормил жену, сказал, что вернется поздно, но домой придет, дежурства у него не будет. Вышел из дома с готовым планом действий, который он продумал до мелочей и теперь просто автоматически шел и действовал по этому плану. Сначала он зашел в сберкасса и снял с книжки деньги, оставив сто рублей. Потом спустился в порт, в Управление и очень быстро договорился об уходе в отгулы на две недели. За работу в праздничные дни, за выходы не по графику набралось у него именно две недели. Завтра он должен будет выйти на дежурство суточное, а потом, начиная с выходных свободен. В положенное время явился на репетицию. Миша сначала делал вид, что не было вчера никакого разговора. Но от Игоря не укрылось, с каким настороженным вниманием наблюдает за ним маэстро. Решил, что первым он не подойдет, не его это была инициатива и нечего суетиться. Не мальчик. Наконец Миша многозначительно подмигнул и кивнул в сторону. Мол, отойдем. Присели в сторонке.

Репетировал Мишин оркестр редко. Только тогда, когда надо было освоить новую танцевальную мелодию или новую песню, они собирались на часок-другой. Происходило это

во дворце культуры имени Кирова на Пушкинской. Кто-то из городского начальства, покровительствующий Мише, устроил ему небольшое помещение во дворце. За месяц до этого Мишей вдруг овладела идея освоить их оркестром предвоенную танцевальную музыку, тридцатых-сороковых годов. Началось это с того, что привел он в оркестр молодого человека с аккордеоном. Играл молодой человек на инструменте «из рук вон плохо», но аккордеон у него был настоящий, немецкий Weltmeister, «Stella». О чем уж договорились Миша с этим молодым человеком, никому не известно. Алику, так звали молодого человека, позволялось за вечер сыграть одну вещь, попроще, позволялось бесплатно поужинать в зале. Возможно, и денежки ему какие-то Миша давал – никто не знает. А вот то, что на «Стелле» стал играть Миша, и что это очень повлияло на репертуар оркестра, это заметили не только оркестранты, но и суровый морской народ со своими дамами, отдыхающие в «Арктике» с утра и далеко полночь. И очень этот репертуар понравился суровой, казалось бы, неприхотливой публике. Миша, имеющий достаточно богатый опыт эстрадного общения с публикой, начинал играть мелодии этого репертуара во второй половине вечера, когда народ был достаточно разогрет спиртным и жаждал красиво отдыхать. Коварный лицедей начинал с собственного соло. Он выходил один на край подиума и сначала бесшумно, потом слегка притопывая, отсчитывал ритм одной ногой, и, без объявления, врезал «Чардаш» Монти. Представляете? На аккордеоне – Чардаш? После нескольких виртуозных glissando большая часть «отдыхающих» вскакивали, буквально, на ноги и, притопывая, хлопая в такт, превращались в пляшущее туземное племя. А завоеванный аккордеонистом зал без пауз подхватывали томные мелодии «Утомленного солнца», «Брызги шампанского», «Вдыхая розы аромат». Начинался вечер музыки и танцев. Периодически заказывался «Чардаш». Еще не меньшим успехом пользовалась «Рио-рита». Солировали Миша и Игорь. Репертуар из музыки этих лет пополнялся еженедельно, а аранжировку своему оркестру Миша «расписывал» сам. Игорь ему всячески помогал. Вообще, Игорь настолько увлекся музыкой и погрузился в творчество, что стал подумывать о том, чтобы уйти с флота. Но когда он сказал об этом Мише, тот неожиданно резко отсоветовал. И сказал тоже неожиданное:

– Вы, Игорёк, будете оставаться приличным человеком, до тех пор, пока будете моряком, капитаном. Пусть музыка будет вашим хобби.

Пройдет совсем немного время и Игорь поймет еще одну причину, почему Мише не понравился его порыв. А сейчас они уединились в длинном полутемном коридоре дворца.

– Что скажете, капитан?

– Я? Миша, давай без театральных сцен и прибауток. Я пришел с деньгами. Я готов выполнить все, что ты скажешь. Только без большого криминала и детоубийства.

– Вот. Тебе балаболить можно, а мне – давай без прибауток. Хорошо. Я прямо к делу. Вчера народ гулял в зале, видел? У них хороший рейс был: два захода, плюс в Лас-Пальмесе на ремонте месяц стояли. Хорошо валюты получили, отоварились. Понимаешь, да? Привезли кое-что. У меня там знакомые есть, которые мне предложили взять у них товар. Они люди опытные, знающие, товар у них только дефицитный, наваристый. Уйдет влет, с руками оторвут. Да, собственно, что я говорю? У меня уже есть, кому все забрать. Понимаешь расклад?

– Понимаю. Я об этом и догадывался. Только я не понимаю в этой сверххитрой схеме свою роль. Деньги? Так их у тебя самого, думаю, достаточно, чтобы это дельце провернуть. Объясни.

– Объясняю. Тебе немного поработать надо будет. Этой работой ты для меня и ценен. Заключается она вот в чем. Ты на буксире работаешь? В рыбном порту, да? Тебе ребята сумки принесут, там, в порту. А ты их за территорию вынесешь. Сможешь?

Этого Игорь не ожидал. Задумался. И вспомнил, как его матрос выносит периодически рыбу из порта. Вяленую в море рыбу, сельдь ящичного посола этому мужику приносят знакомые рыбаки, и матрос просит Игоря подгрести к крайнему причалу, что у судоверфи, и уходит

с мешками. Как он и где проходит за территорию порта, Игоря не интересовало. Но сейчас он об этом вспомнил. Долго молчать не стал.

– Я попробую.

– Да уж, попробуй. Только аккуратно. Лады? Капусту давай.

Игорь достал деньги и отдал их Игорю.

– Посчитай.

– Вот это мне нравится. Правильно. Деньги счет любят.

Пересчитал и спрятал в карман.

– Значит так. На эти две штуки я тебе беру два двухкассетника японских. И..., тут еще на несколько кассет, японских же..., ага. Ты не волнуйся. Вот что у меня в планы не входит никогда, так это партнеров кидать. Все будет, как в бухгалтерии. Лады? Отчитаюсь по полной.

– Интересно, – пожал плечами Игорь.

Наутро он заступил на дежурство. Работы было много, и вспомнил он о разговоре с Мишей только ближе к полночи, когда они с рейда подтянули БМРТ к судоверфи. Игорь пришвартовал своего работягу на свободное место у причала, сообщил в диспетчерскую о своем месте нахождения и, завернувшись в тулуп, пристроился на рундуке в тесной рубке, потягивая еще горячий чай из термоса. Сквозь дремоту услышал голос с причала: «на Матросове!». Выглянул из рубки. На причале стояли два мужика.

– Капитан. Выйди поговорить.

Игорь вышел на бак, где палуба была вровень с причалом.

– Чё надо, мужики?

– Мы от Миши.

– Слушаю.

– А чего слушать? Мы сейчас поднесем, что надо?

– Давайте.

Мужики ушли в темноту и через несколько минут они подали с причала Игорю четыре сумки, крупные по объему, но не тяжелые. Один из них присел у края причала и подозвал Игоря. Игорь облокотился о планширь буксира, и они поговорили. Мужчина средних лет с надвинутой на глаза шапкой явно не хотел, чтобы Игорь рассмотрел его лицо.

– Слушай, приятель. А если я тебе сам, без Миши, принесу товар. Возьмешь?

Игорь опустил голову. Он растерялся. Уж больно стремительно раскручивались события.

– Я подумаю.

– А как я узнаю, что ты уже подумал?

– Не знаю, – пожал плечами, – тебе надо будет, ты и узнаешь.

Мужчина поднялся.

– Ясно.

И когда он вернулся к напарнику, Игорь успел услышать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.